

трудных и, к сожалению, самых запущенных участков в деятельности писательских организаций. Приходится признать, что не только комсомол и профсоюз, но и правление ЦСП, писательские организации в республиках и областях уделяют далеко не достаточное внимание выращиванию литературной смены. В комиссиях ЦСП по работе с начинающими авторами немалая доля времени, усилий и средств тратится на рецензирование потока так называемых «самостоятельных» рукописей. Это важное дело, но в этой «текушке» может потонуть главное, если параллельно не будет проявлено встречной инициативы «сверху», от самого Союза писателей. — такой заинтересованной инициативы, которая позволяла бы регулярно находить и выводить на всевозможную трибуну талантливых людей с мест, такой работы, которая велась бы с учетом индивидуальности молодого автора.

Обычно, когда говорят о Волге, имеют в виду великую русскую реку в ее верховьях или среднем течении, где она — могучая и прекрасная — неудержимо катит свои волны. Этой Волгой любуются, гордятся, она — в центре внимания. Но ведь Волгой является и крохотный ручеек, скромно текущий в густых лесах Среднерусской возвышенности, — исток великой реки. А сколько ручьев, ручейков, рек принимает Волга на своем пути.

Так и в литературе. С этих слов начинается письмо в редакцию старосты литературной группы Е. Кудрака из города Луга Ленинградской области — одно из многих писем читателей в редакцию Второго всесоюзного съезда писателей. В этих письмах справедливо критикуется такое положение на местах, когда многочисленные «ручейки» мелеют, натолкнувшись на равнодушие и безразличие к ним местных общественных организаций. В кружки и объединения при редакциях газет, на предприятия, в клубы собираются люди, горячо заинтересованные в литературном творчестве. Многие из них и не помнят о том, чтобы стать профессиональными литераторами. В массе своей это тот квалифицированный читательский актив, в создании и воспитании которого главная роль принадлежит нашим общественным организациям, и прежде всего — комсомолу и профсоюзам.

Активно помогать нашей общественности в этой работе — обязанность и писательских организаций. Главная их задача — заметить одаренных людей, которые пошатывают себя литературе, как главному жизненному призванию, помочь развиться и окрепнуть творческим способностям тех, кто может с успехом заниматься литературным трудом. Эта сложная и кропотливая воспитательная деятельность должна вестись дифференцированно, с учетом индивидуальных особенностей начинающего писателя.

Литературная судьба молодого автора, начата в первое свое произведение, выпустившего книжку, во многом будет зависеть от того, кто и как направит его творчество. От того, сколь заботливым и требовательным будет его воспитание с самого начала, зависит и то, как скоро окажется начинающий автор подготовленным для самостоятельной работы. Возникновение таких «детских болезней», как занаяство, самопокоение, необоснованные претензии в отношении разного рода льгот и благ — результат отсутствия правильной воспитательной работы с литературной сменой.

В основе воспитания молодых литераторов должна лежать систематическая и разносторонняя учеба — на этом и следует сосредоточить свое внимание редакциям газет и отделениям ЦСП, объединяющим вокруг себя начинающих авторов. Автор первой книги обычно приходит в литературу с запасом свежих наблюдений, со своим восприятием жизни. Хорошее знание жизни — драгоценное качество литератора, его надо углублять и развивать, расширяя связь с действительностью. Вот почему столь серьезно звучит предупреждение мастеров слова молодым писателям о врте ранней профессионализации.

Начинающие авторы хотят получить квалифицированную консультацию, услышать верную оценку своей работы — им нужен совет опытного журналиста, местного критика или писателя. Естественно пожелание молодых литераторов, чтобы там, где это возможно, занимались наиболее крупными объединениями руковоили писатели — так, как раньше занимались этой важной работой Ляшко и Серафимович, Бакштейн и Гладков, Федин и многие другие.

Начинающие авторы должны учиться писательскому мастерству, — они говорят о том, что сейчас им очень нужен журнал типа горьковской «Литературной учебы», нужны сборники типа недавно вышедшей книги «О писательском труде» и другие аналогичные издания. Роль писателя немаловажна без роста его культуры, знаний. Это постоянный, упорный, высекательный труд. Правильно вспомнить и ставя в пример нашим писателям горьковскую страстную заинтересованность в выявлении новых дарований, начинающие литераторы порой забывают о том, как Горький неустанно призывал молодых быть требовательными к себе, к своему творчеству. В статье В. Каверина «Горький и молодежь», недавно опубликованной в журнале «Знамя», напоминаются горьковские «заповеди» молодому писателю. Горький требовал: вникнуть начинающему писателю; дать в литературе не быстрое легкое представление о том объеме труда, который вкладывается в законченное произведение. Великий трудовед напоминал своим молодым коллегам, что надо отлично знать литературу, которую ты намерен посвятить свою жизнь, что воля к работе в писательской профессии — это почти всегда воля к победе.

Воспитание молодых, работа с начинающими литераторами — это один из самых

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Юрий Манаев, народный судья

Перед столом судьи — молодая женщина в цветастом не по годам платье. Она то и дело настороженно и выжидающе поглядывает на судью. А он, склонившись к столу, внимательно читал документы. Но вот поднял голову, бросил взгляд на женщину, и в умных черных глазах его явственно вырисовалась лукавая ухмылка.

— Скажите, вы вот ходатайствуете об исключении из описи радиоприемника. А какой он марки?

— Право, не знаю... посетительница огляделась, словно ища поддержки. — Наверное, Юрий Владимирович, я плохо разбираюсь в марках приемников.

— А инфонер зеркальный: двухсторончатый или трехсторончатый?

— Инфонер? Двухсторончатый... Нет, простите, трехсторончатый...

— Так, все-таки, какой?

Посетительница заметно волнуется. А народный судья продолжал задавать вопрос за вопросом.

И, признаваясь, не мог понять: зачем судья так дотошно касается в этих вопросах, как мне казалось, мелочах. Наконец, он отложил бумагу:

— Исковое заявление об исключении из описи имущества мы рассмотрим. Но только имейте в виду: я дам задание взять из архива первое дело, чтобы проверить, кому же на деле принадлежит имущество.

Женщина, ни слова не говоря, забрала документы и только у выхода глухо прошептала: «До свидания».

Она была уже за дверями, а судья все смотрел ей вслед.

— Видите, какая метафороза произошла с женщиной, — пояснил он. — Году полтора назад, когда в суде слушалось дело по обвинению мужа этой особы, в суд приходила ее сестра и доказывала, что описанные вещи принадлежат ей, а не сыну. Дело тогда прекратили по амнистии. Теперь вещи описали в связи с делом свекра — проворовавшая старуха. И вот приходит сноха и доказывает, что те же вещи принадлежат на сей раз ей. Словом, всей семьей ухватились за имущество, глуг, изворачиваются...

В кабинет народного судьи вошел следующий посетитель. Это был мужчина средних лет в легкой рабочей баузе. Он пришел посоветоваться, как восстановить утерянное во время войны свидетельство об окончании средней школы.

— В здании института надумал поступить, требуют документ об образовании, а у меня его нет. От школы за время недолгого фашистского хозяйничанья, как вы знаете, не осталось и следа. Как быть, посоветуйте, Юрий Владимирович...

Велел за ним занять седовласый старик. Его интересовало, может ли он завещать свое имущество дочери и сыну и отказать «старухе». Ремесленники принесли жалобу на несправедливое снижение им разряда. Женщина в выцветшей телогрейке пришла посоветоваться по поводу сельскохозяйственного налога.

Судья внимательно слушал и терпеливо разъяснял законы. Заметив, что все посетители обращались к нему по имени и отчеству, как к старому знакомому, я спросил:

— Вы давно здесь работаете, Юрий Владимирович?

— Да вот скоро шесть лет. Срок немалый...

Юрия Манаева считают одним из лучших народных судей Ростовской области. В 1950 году министр юстиции РСФСР объявил ему благодарность за успешное сочетание работы с заочной учебой в Юридическом институте. Позднее Манаев участвовал в республиканском совещании лучших судей.

Лучший судья! А как определить лучшее? Какие для этого есть критерии?

Когда я впервые услышал фамилию Манаева в числе лучших народных судей, запомнил несколько цифр: за 1953 год выстоявшие судьи оставили в силе 97,9% приговоров по уголовным делам и 90,5% решений по делам гражданским, рассмотренным в народном суде 1-го участка Ленинского района гор. Таганрога под председательством народного судьи Манаева.

Убедительные цифры? Конечно. Каково же было мое удивление, когда Манаев выказал о них отрицательное суждение. Нельзя, говорил он, оценивать нашу работу цифрами. Не арифметика, не статистика должны определять деловую и политическую характеристику народного судьи.

— Ну, скажите, с какой стати процент утвержденных приговоров и решений относится на мой счет? Во-первых, дела рассматривал ведь суд, а не судья единолично. Помню, в одной характеристике на меня, это было давненько, отмечалось низкое качество судебной работы — половина приговоров отменялась. В той характеристике указывалось, что причиной этому — недостаточное исследование материалов. В том ли была причина? Я долго и много думал над этим и пришел к выводу, что не в том. Конечно, Юридический институт, который я теперь закончил, дал мне неизмеримо больше знаний, чем Юридическая школа, со скрями которой я сел за судей-

ский стол. Опыт за шесть лет стал обширнее. Почти все приговоры и решения утверждались. Все это так. Отсюда делал вывод: народный судья стал более серьезно исследовать обстоятельства дела. Но разве раньше я с меньшим тщанием исследовал их? Нет. К чему я это веду? А к тому, что в характеристиках, основанных на цифрах, процентах, как правило, не найдешь одного важного условия. Раньше я старался все делать сам, надеясь только на свои силы, а теперь я стремлюсь больше опираться на жизненный опыт, на знания народных заседателей.

Юрий Владимирович задумался.

— Поимите меня правильно, — продолжал он. — Роль народного судьи, я понимаю, нельзя переоценить, и еще хуже, недооценить. Но народные заседатели — большая сила, а во то и них мы иногда забываем. Хорошо запомните один случай из практики.

И он стал рассказывать:

— Вы не забыли, из-за чего поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем? Мне это пришло на память потому, что довелось быть свидетелем почти такого же неясного случая. Современный Иван Иванович, не зная, как насолить «противной стороне», срывает Ивану Никифоровичу, издал да и построил на своем участке огромной высоты забор. Он заграждает совсем око соседя. Возникло гражданское дело. Оба представили перед судом.

Формально «строитель» забора не нарушил закона, — участок-де мой, что хочу, то и строю. Но существу же это было столь вопиющее самоуправство, что я, тогда неопытный молодой судья, просто растерялся и вынужден был уступить процессом. Выручил меня народный заседатель. Есть у нас такой старик — Иван Давыдович Долган. Откапываясь он, расправил усы и спокойно спрашивает «Ивана Ивановича»:

— А чем вы до революции занимались?

— Я с недоумением взглянул на заседателя: зачем этот к делу не идущий вопрос? Но вмешиваться не стал.

— Пекарию держал, — неохотно промолвил ответчик.

— Ну, а чем вы занимались, когда тут гитлеровцы хозяйничали? — не унимался Долган.

— А тотже пекарию держал...

— Вот видите, до чего довед вас частная собственность! — резюмировал под дружный смех лав народный заседатель.

Всем присутствующим, да и мне стало ясно, что перед судом — живой еще отголосок капитализма, раскрывший и корни его самоуправства. Решение возникло само собой. Встречено оно было горячим одобрением публики.

— Скажу откровенно: не представляю себе, как бы мог осуществлять правосудие, если бы рядом со мной не сидели народные заседатели, умудренные опытом, знанием жизни. Вот почему я стараюсь больше уделять внимания работе с народными заседателями. Учю их, и сам учусь у них.

Позднее Юрий Владимирович опять вернулся к волновавшей его теме:

— Вот вы спросили меня, правильно ли делают те товарищи, которые оценивают работу судьи по количеству приговоров и решений, оставленных в силе. Я тогда немного улетелся в воспоминаниях и не ответил до конца на вопрос. А вот сейчас, продавая его, пришел к выводу: неправильно. Скажу даже резко: нельзя пользоваться такими критериями. Подумайте только: к чему ведет подобная система учета! Совсем недавно на одном из совещаний народных судей Ленинского района Ростова-на-Дону Т. заявил:

«Хотя я бываю подчас убежден в невинности человека, но в совещательной комнате я нередко настаиваю на осуждении. Почему? А очень просто. Вынеси суд оправдательный приговор — его могут в высшей инстанции отменить. А для того, чтобы приговор не отменили, лучше применить какую-нибудь мягкую меру наказания. Подсудимый жаловаться не будет, и прокурор протестовать не будет».

— Знаю, знаю, — улыбнулся мой собеседник, заметив мой протестующий жест. — Согласен, такие судьи — уроды в нашей семье. Их ничтожно мало. И на совещаниях Т. получал резкую отповедь. Но нельзя отмахиваться от того, что он цепляется за недостатки в самой системе учета.

И Юрий Владимирович, по своему обыкновению, рассказал мне два случая из практики.

Прокуратура Таганрога привлекла к уголовной ответственности Виктора Добропророва. Ему предъявили обвинение в том, что он в восточном часу вечера проник на территорию мясокомбината, затем выбыл в стелю в окне колбасного цеха и похитил 15 колбасок урванской колбасы.

После тщательного исследования судьи пришел к выводу о некорректности обвинения — оно было основано на предположениях и догадках. Должен заметить, что в пропущен Добропророва ни в чем предоступительном замечен не был, имеет семью, ребенка, успешно работает на рыбных промыслах.

Суд вынес оправдательный приговор. Судейная коллегия по уголовным делам Ростовского областного суда по протесту прокурора отменила его. Дело поступило в соседний участок народного суда. Добропророва к этому времени уже уехал на рыбные промысла Дальнего Востока. Что сделал суд, руководствуясь определением областного суда? Предложил: при обнаружении арестовать и доставить в Таганрог.

И Добропророва арестовали бы и доставили бы в Таганрог, если бы Юрий Владимирович не возмутился и не написал об этом диком случае лично председателю Верховного суда РСФСР. Верховный суд отменил определение Ростовского областного суда и определение народного суда о розыске и аресте Добропророва. Оправдательный приговор остался в силе.

Эта история повторилась в другом случае, когда народный суд под председательством тов. Манаева оправдал некоего Чернова. Потом последовало: протест, отмена приговора, следствие — предварительное, судебное... Чернова, словом, осудили.

Манаев, убедившись, что Чернов осужден неправильно, более года добивался отмены несправедливого приговора. Даже тогда, когда заместитель председателя Верховного суда СССР написал судье, что второй приговор находит обоснованным, Манаев не успокоился. Он обратился с письмом лично к председателю Верховного суда СССР.

Результат? Чернов — на свободе.

Удовлетворился таким решением народного судьи?

— Свободный Чернов из тюрьмы — хорошо. Но его должны не только освободить от наказания, но и от обвинения. Обвинение не доказано, и это надо установить — прямо и честно.

Слушая, с каким жаром говорил Манаев, я понял: если он прав, он добьется того, что его точка зрения восстановится.

— Два отмененных оправдательных приговора по делам Добропророва и Чернова составили 2,1 процента... Это поставило мне в строчку.

— Если бы западный читатель имел возможность подробно ознакомиться с полными глубоким смыслом заявлениями, сделанными на Совещании, его бы неприятно удивило умышленно одностороннее изложение и толкование этих речей в буржуазной печати. Так, большинство англо-американских газет выдернуло из всех заявлений лишь те фразы, которые говорят о необходимости подготовки странами-участницами Совещания совместных мероприятий в области усиления обороноспособности. Причем и эти вырванные из контекста фразы пропагандистские «кулиары» постарались тенденциозно обработать и сенсационно преподнести.

Между тем из выступления участника Совещания хорошо известно, что страны демократического лагеря примут диктумные обстановкой важные шаги по обеспечению своей безопасности, если будут ратифицированы парижские соглашения и возрожден германский милитаризм. Чрезвычайно порочат утаить от общественности столь важное условие. Буржуазные комментаторы явно преследуют при этом неблагоприятную цель — ввести в заблуждение своих читателей.

Еще не поздно прийти к соглашению — вот мысль, которая пронизывает все выступления участников Совещания.

Исполненные миролюбия предложения, которые внес 29 ноября В. М. Молотов, были обращены не только к присутствующим на Совещании, но и к тем странам, правительства которых не приняли в нем участия. Глава советской делегации предложил во-первых, и в качестве условия для подписания возрождения германского милитаризма и вступить, наконец, за установление и терпеливое разрешение германского вопроса на основе достижения договоренности прежде всего между четырьмя державами: во-вторых, создать систему коллективной безопасности в Европе с участием всех заинтересованных в сохранении и укреплении мира европейских государств, независимо от их государственного и общественного устройства, для чего со всем вниманием рассмотреть как имеющийся советский проект «Общевосточного договора о коллективной безопасности в Европе», так и предложения других стран, которые поступят по этому вопросу.

Советские предложения указывают ясный путь к укреплению мира и безопасности в интересах всех европейских народов.

Итак, Франция...
Жорж Сорна
о французской литературе

На днях литераторы столицы принимали у себя в гостях прогрессивного французского писателя и общественного деятеля Жоржа Сорна. Его имя «Страх», связанная с революцией процессом Розенбергов в США, завоевала широкую популярность французского зрителя: писателю сейчас в Румынии, Чехословакии, Польше, Финляндии.

По просьбе московских писателей Жорж Сорна охарактеризовал основные направления в современной французской литературе, а также наиболее значительные книги, которые изданы за год, назвал имена молодых писателей, пришедших за последние время в лагерь прогрессивной литературы. Он рассказал, что ежегодно Национальный комитет писателей Франции устраивает книжный базар, на котором бываю представлены наиболее ценные произведения, созданные в течение года. В этом году в книжном базаре участвовало около 90 писателей.

Жорж Сорна говорил о звании или Французии книг советских писателей, о той популярности, которой пользуются у него на родине произведения М. Шолохова, «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Десятый вал» и «Падение Парижа» И. Эренбурга, «Этo было в Ленинграде» А. Чаковского, «Жатва» П. Николаевича. Сейчас во Франции издается собрание сочинений А. М. Горького.

Ж. Сорна ответил на многочисленные вопросы, касающиеся различных сторон литературной и театральной жизни Франции.

Сейчас, когда пишутся эти строки, Юрий Владимирович Манаев зарегистрирован кандидатом в народные судьи 1-го участка Ленинского района гор. Таганрога.

П. СКОМОРОХОВ

Международные отклики

ЗАБОТА О МИРЕ И ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Совещание европейских стран по обеспечению мира и безопасности в Европе продолжает свою плодотворную работу. Зарубежная демократическая печать подчеркивает первостепенную важность вопросов, обсуждаемых на Совещании, и ту огромную роль, какую оно призвано сыграть в укреплении дела мира и безопасности в Европе.

Открытие Совещания вызвало вполне понятную нервность среди тех политиков, которым не дороги ни интересы мира, ни безопасность европейских народов. 29 ноября английская газета «Таймс» критично встретил соображения: «В западном лагере — явное беспокойство. Возможно, что за плечами, предусматривающей включение перевооруженной Западной Германии в оборонительную систему (1) объединенной Европы, придется бороться, и бороться ожесточенно».

Эта ожесточенная борьба уже идет и притом не только в политико-дипломатическом плане, но и на фронте пропаганды. Следуя своим стародавним традициям, некоторые буржуазные органы печати потянулись к старому, жаждущим быть работниками Совещания, двумя деурными блоками — умоулаженному искажению. Нужно ли говорить, что шеф-вопрос на кухне дезинформации выступает американская печать!

30 ноября утренние выпуски нью-йоркских газет уделили основное внимание не открытию Совещания европейских стран, а, типичным попыткам сената пожурить сенатора Маккарти за его грязные махинации. За исключением «Нью-Йорк таймс» и «Дейли ньюс», другие газеты вообще не упоминали о Совещании, полагая, очевидно, более выгодным держать читателей в неведении.

Что же касается «Нью-Йорк таймс», то она откликнулась на начало работы Совещания шаблонным призывом, говорившим о чем угодно, но только не о реалистическом оценке момента. «Газета должна всеми силами, — заявила газета, — стремиться как можно скорее ратифицировать парижские соглашения».

Вслед за американскими пропагандистами тянутся некоторые органы французской печати. Зная, сколь дорого сердцу простого человека идея переговоров с Советским Союзом, они тщатся представить ратификацию этих соглашений как необходимый предлог к переговорам. Так, бывший французский министр Эжен Тома заявляет на страницах газеты «Нор матэн»: «Ратификация лондонских и парижских соглашений стала бы являться препятствием для вступления в переговоры. Небольшая ратификация является единственным средством начать эти переговоры. Нехитрый манер! Но планы вооружения Западной Германии несоответствуют с осуществлением планов общевропейской безопасности. Каждому здравомыслящему человеку должно быть ясно, что ратификация и осуществление парижских соглашений внесут серьезные осложнения во всю международную обстановку. В частности, с момента ратификации этих соглашений пути к объединению Германии на мирной и демократической основе будут заблокированы».

Если бы западный читатель имел возможность подробно ознакомиться с полными глубоким смыслом заявлениями, сделанными на Совещании, его бы неприятно удивило умышленно одностороннее изложение и толкование этих речей в буржуазной печати. Так, большинство англо-американских газет выдернуло из всех заявлений лишь те фразы, которые говорят о необходимости подготовки странами-участницами Совещания совместных мероприятий в области усиления обороноспособности. Причем и эти вырванные из контекста фразы пропагандистские «кулиары» постарались тенденциозно обработать и сенсационно преподнести.

Между тем из выступления участника Совещания хорошо известно, что страны демократического лагеря примут диктумные обстановкой важные шаги по обеспечению своей безопасности, если будут ратифицированы парижские соглашения и возрожден германский милитаризм. Чрезвычайно порочат утаить от общественности столь важное условие. Буржуазные комментаторы явно преследуют при этом неблагоприятную цель — ввести в заблуждение своих читателей.

Еще не поздно прийти к соглашению — вот мысль, которая пронизывает все выступления участников Совещания.

Исполненные миролюбия предложения, которые внес 29 ноября В. М. Молотов, были обращены не только к присутствующим на Совещании, но и к тем странам, правительства которых не приняли в нем участия. Глава советской делегации предложил во-первых, и в качестве условия для подписания возрождения германского милитаризма и вступить, наконец, за установление и терпеливое разрешение германского вопроса на основе достижения договоренности прежде всего между четырьмя державами: во-вторых, создать систему коллективной безопасности в Европе с участием всех заинтересованных в сохранении и укреплении мира европейских государств, независимо от их государственного и общественного устройства, для чего со всем вниманием рассмотреть как имеющийся советский проект «Общевосточного договора о коллективной безопасности в Европе», так и предложения других стран, которые поступят по этому вопросу.

Советские предложения указывают ясный путь к укреплению мира и безопасности в интересах всех европейских народов.

Итак, Франция...
Жорж Сорна
о французской литературе

На днях литераторы столицы принимали у себя в гостях прогрессивного французского писателя и общественного деятеля Жоржа Сорна. Его имя «Страх», связанная с революцией процессом Розенбергов в США, завоевала широкую популярность французского зрителя: писателю сейчас в Румынии, Чехословакии, Польше, Финляндии.

По просьбе московских писателей Жорж Сорна охарактеризовал основные направления в современной французской литературе, а также наиболее значительные книги, которые изданы за год, назвал имена молодых писателей, пришедших за последние время в лагерь прогрессивной литературы. Он рассказал, что ежегодно Национальный комитет писателей Франции устраивает книжный базар, на котором бываю представлены наиболее ценные произведения, созданные в течение года. В этом году в книжном базаре участвовало около 90 писателей.

Жорж Сорна говорил о звании или Французии книг советских писателей, о той популярности, которой пользуются у него на родине произведения М. Шолохова, «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Десятый вал» и «Падение Парижа» И. Эренбурга, «Этo было в Ленинграде» А. Чаковского, «Жатва» П. Николаевича. Сейчас во Франции издается собрание сочинений А. М. Горького.

Ж. Сорна ответил на многочисленные вопросы, касающиеся различных сторон литературной и театральной жизни Франции.

Вечера чехословацко-советской дружбы

Большой литературный вечер, посвященный месячному чехословацко-советской дружбы, состоялся вчера в Центральном доме литераторов в Москве. Он был организован Союзом советских писателей и Институтом славяноведения Академии наук СССР.

Открытие вечера. Б. Полевой напомнил, как весной 1945 года солдаты Советской Армии, сражаясь бок о бок с врастшими жителями Праги, освободили столицу чехословацкого государства. В этих боях кровью была скреплена вечная дружба двух народов.

С докладом о нерушимой дружбе народов СССР и Чехословакии выступил директор Института славяноведения П. Третьяков. В. Инбер поделился впечатлениями о пребывании в Чехословакии. Г. Гуляев прочитал отрывок из своей новой книги «На земле Яна Гуса». С. Никольский говорил о растущих культурных связях между СССР и Чехословакией.

Затем стихи и поэмы чешских писателей — основоположника чешской современной поэзии С. Костки Неймана, лауреата премии Мира В. Невады, лауреатов Государственной премии И. Кайнара, С. Ней-

на и словацкого поэта М. Лайчака прочитали в своих переводах П. Железнов, С. Кирсанов, Н. Разговоров и артистка Н. Эфрон.

С ответным словом выступила на вечере первый советник посольства Чехословацкой Республики Иосиф Кадлец.

В заключение состоялся большой концерт с участием художественного ансамбля чехословацких студентов под руководством Вацлава Кучера.

Сегодня в Концертном зале имени П. И. Чайковского состоится торжественный вечер, посвященный месячному чехословацко-советской дружбы. Он организуется Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей, Всесоюзным центральным советом профессиональных союзов, Министерством культуры СССР, Академией наук СССР, Славянским комитетом СССР, Союзом советских писателей и Союзом советских композиторов.

Вступительное слово сделает С. Кафтанов, с докладом о дружбе и сотрудничестве народов Советского Союза и Чехословакии выступит академик Б. Венедиктов.

Памяти швейцарского писателя И. Готгельфа

В этом году отмечается столетие со дня смерти швейцарского писателя Альберта Виндуса (1797—1854 гг.), известного в литературе под псевдонимом Иеремия Готгельфа. Мастер художественной прозы, он явился значительным реалистическим направлением в швейцарской литературе XIX века. Гуманизм, искренняя любовь к народу, теплый юмор, умение просто и трогательно повествовать о жизни швейцарских тружеников придают книгам Готгельфа жизненность, делают их нестарееющим. Писатель сумел с замечательной силой обобщить в своих произведениях исторический опыт народа, его национальные традиции.

На днях в Институте мировой литературы имени А. М. Горького состоялся вечер, посвященный 100-летию со дня смерти И. Готгельфа. Отметить эту дату собрались ученые, писатели, работники искусств, общественные деятели, представители печати. Вечер открыл вступительным словом ди-

ректор института И. Анисимов. Доклад о жизни и творчестве И. Готгельфа сделал доктор филологических наук профессор Р. Самарин.

В заключение вечера мастера художественного слова прочитали отрывки из произведений И. Готгельфа. Состоялся просмотр швейцарского художественного фильма.

На вечере выступил с речью Чрезвычайный Посланник и Полномочный Министр Швейцарии в СССР Эдуард де Халлер.

В заключение вечера мастера художественного слова прочитали отрывки из произведений И. Готгельфа. Состоялся просмотр швейцарского художественного фильма.

На вечере выступил с речью Чрезвычайный Посланник и Полномочный Министр Швейцарии в СССР Эдуард де Халлер.

Изо дня в день бумажники изыскивают дополнительные резервы, повышают производительность труда, увеличивают выпуск бумаги для книг. И в эти напряженные дни все отчетливее определяется зависимость людей этой профессии от «смежников» — от тех, кто обязан обеспечить их всем необходимым для плодотворной работы. Во многом зависит бумажники от железнодорожников, особенно сейчас, с наступлением зимы, когда сплав на реках в основном прерывается и древесину возят на комбинаты для переработки ее в бумагу по железной дороге. Но, к сожалению, железнодорожники не проявляют здесь необходимой маневренности.

Неделю с лишним назад работники Неманского комбината сообщили в редакцию по телефону: наконец-то сегодня-завтра комбинат получает с Туревской переработочной базы четыре вагона древесины. Древесина есть. Ее будут отгружать в срочном, даже в «аварийном» порядке: комбинат сможет работать ритмично. «Все зависит», — добавляли они уже не так уверенно, — от своевременной подачи вагонов».

Вчера мы заинтересовались, пришли ли железнодорожники. Ответ был удивительным. «Мы получили вагон переработочной базы не обращая никакого внимания на наши требования. На место отгрузки мы шлем телеграммы с оплаченным ответом. Но и на них не отвечаю».

Надо полагать, этот случай заинтересует Министерство путей сообщения. Нельзя же из-за недостаточной оперативности работников Северной железной дороги (начальник М. Скалин) срывать производственный процесс крупного предприятия, работающего для удовлетворения культурных запросов народа.

Еще более тревожное сообщение поступило от работников Сокольского комбината Вологодской области. Там уже в течение нескольких месяцев идет все нарастающая по напряженности борьба за обеспечение потребности в бумаге комбината древесиной. Но — странное дело! — несмотря на вмешательство в это дело руководителей Министерства путей сообщения, поставка дров не только не увеличивается, а уменьшается. За десять месяцев этого года вместо 8.781 вагона дров комбинату поставлено 5.100, а за 25 дней ноября вместо 1.187 вагонов поставлено только 268.

Нет дров? Оказывается, на станциях отгрузки их накопилось в избытке, но Печерская железная дорога (начальник К. Быков) не дает достаточного количества вагонов, не обеспечивает комбинат топливом.

Такое невнимательное к запросам бумажной промышленности непростительно. Нельзя допускать, чтобы бумажники не могли выполнить свои социальные обязанности из-за инертности людей, от которых их работа зависит.

Дело доходит до того, что даже готовится — результат напряженного труда рабочих, рольщиков, сечочников — лежит подчас на складах комбинатов и фабрик потому, что железная дорога его не принимает, — нет якобы для этого вагонов.

Факты? Вот они. На Соляном комбинате на складах лежит типографская бумага. Для того, чтобы ее вывезти, нужны вагоны, а Свердловская железная дорога (начальник В. Оборотов) их задерживает. Готовая бумага лежит на складах Сокольского комбината и в Балахне (начальник Горьковской дороги В. Трунов). 150 вагонов требуется для разгрузки складов готовой продукции Жидковского комбината Ярославской области (начальник дороги Г. Головиненко).

По этому поводу в отделе обеспечения перевозок промышленных товаров народного потребления Министерства путей сообщения нам уверенно заявили: план погрузки и в октябре и в ноябре по всем комбинатам выполнен. Ну, а как бы с отгрузкой сверхплановой бумаги?

Дело чести железнодорожников вовремя доставить и эту бумагу в издательство и типографию страны.

ДЕЛО ПОШЛО!

ДЕЛА у нас в этом году интересные, а могу многого всего порассказать, но только упор: это не для пера. Придется, понимаешь, коснуться выпивки, затронуть знакомых, дето, как видишь, неформальное. Ты ведь уходишь, а мне здесь жить. Начнем, стало быть, с нового председателя? Конечно, так будет правильнее; с него все то новое, о чем я хочу рассказать, и началось. Привели его нам рекомендовать перед весной. Прямой такой, статный; взгляд острый, умелый, лицо молодое и собой он — молодой, кренки, бодрый, а голова совсем седая, ни одного темного волоса. Ходит он по холмистой поляне, улыбается и ничего не говорит. И на собрания, когда мы его выжирали, мало говорил.

— Зовут, — говорит, — меня Сергей Пафнутыч, родился я в деревне, в молодости работал в райкоме комсомола, потом долго служил в армии, воевал, после демобилизации работал заведующим райрайонотделом. Если из вас кто хворает, так могу направить к очень хорошим врачам...

— Кой-кого из наших надо бы поехать вот от этого, — вставляет свое слово старик Ястребов и подкалывает себя по шее мастью помытого воротника.

— Мы, я думаю, сами их сначала поехали, — отвечает Сергей Пафнутыч. — А если дело обстоит, тогда уже их и повезем к врачам. Так я вам, кажется, о себе рассказывал? Продолжайте. Специалист я по сельскому хозяйству не очень большой, но с делом, которое вы мне доверили, думаю справиться. Ну, к тому же, — усмехается, — мои любимые заповеди, которые помогли мне честно пройти в жизни без малого полвека и помогут в дальнейшем.

Заключил он свою речь и сел на свое место в президиум.

А у нас интерес польем вспыхнул: — Заповеди, — кричим, — заповеди-то у нас какие, если не тайна? Тогда он опять поднимается и говорит: — Заповеди мои самые простые, самые житейские и всем известные; и вы, разумеется, их знаете. Могу их вам сообщить, если интересуетесь, а некоторым из присутствующих здесь товарищам, кстати, посоветую и запомнить.

Сергей Пафнутыч подвинулся от президиума ближе к нам, поправил ремень на гимнастерке.

— Первая моя заповедь, — он поднял руку, показал один палец и с расстановкой слов договорился, — честно относиться к порученному делу! — Ногола немного поднял еще палец и строго пояснил голосом: — Вторая заповедь — не пьянствовать! Так прямо и сказал. Опустил руку и неторопливо закурил:

— Эти свои принципы, или, как я их часто называю, заповеди, буду неуклонно выполнять и здесь.

Колхозники зашумели, начали перегарываться, перешептываться: Сергей Пафнутыч в своей речи коснулся ключевого места в запущенных делах нашего колхоза. За недолгую историю его сменилось до десятка председателей. И кое-кто из них не удержался из-за несоблюдения тех простых житейских правил, на которых обобщил свою речь Сергей Пафнутыч. Последним из него председателем человека вывел из нашей деревни, мужик лютый, малоразумный и грубоватый. Он изрядно зашибал и зазнавался, за что и получил прозвище — Самзнаю. Если ему, бывало, посоветуют, предлагает, — у него один ответ: «Сам знаю».

После собрания, на котором Сергей Пафнутыч был избран председателем, Самзнаю вышел на улицу со своей постоянной компаньей по делу... Что за компанья? Бригадир первой бригады И. Заведующий животноводством Н. По фамилиям? Ты, говорю, уходишь, а мне с ними каждый день здесь встречаться. К тому же Сергей Пафнутыч их постепенно воспитывает, и они входят в русло... Изменить фамилии? Хочешь все-таки написать? Ну ладно, валай, была не была. У бригадира фамилия лес-

из ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ПИСАТЕЛЯ

ДЕЛО ПОШЛО!

Михаил ШОШИН

...на, пиши — Березин; у заведующего животноводством — зверина, можно записать — Зайцев. Все поймут у нас, о ком речь идет, но охотникам до выпивки в том будет утешение, что они больному позору не преданы.

И вот Самзнаю, Березин и Зайцев идут после собрания и тихонько переговариваются короткими репликами. А колхозники им и говорят:

— Отопла нам мастилина, новый-то председатель по нашей милости, видно, удралит.

— Со всеми своими заповедями к нам в руки попадетесь, — отвечает им Самзнаю.

Стали мы гадать и гадать, будет в их руках наш новый председатель или не будет? Вперед мы с ним пойдем или останемся в прежнем запущении.

Подходит весенний сев; Сергей Пафнутыч достал семян, прикупил телег, селури, Самзнаю подтянул и заставил порядком приготовить лошадей к весне. Пошел у себя, что Самзнаю после его председателя правление колхозом поставил. Крикнул нам Сергей Пафнутыч, держи своих заповеди. А как эта троица охотников до выпивки ухаживала за новым председателем, успела и зывала его к себе!

Приняли тракторы, начавший весенний сев, а наша тройка сбалансировать попрежнему каждый день в сельхозте подгревает себя и тары-бары растапливает. Забегит агроном... Чей, говорю? Разве я тебе не сказал, что у нас теперь свой агроном? Значит: наш агроном Зинаида Борисовна. Молодая, бойкая такая женщина, вполне культурная и довольно начитанная. В поле она завернет в сельхоз, турнет наших колхозников оттуда, а им и любе: агроном или специально занимается, да еще такой хорошеющей агроном! Новый председатель глядел-глядел на них и что-то ронял. Потом подрабтал свое роняние, посоветовался с кем надо, созвал собрание и предложил снять сразу всю тройку. В разгар-то весеннего сева? Где это видано? Эти вопросы сами колхозники председателю задали.

— Ничего, — отвечает он, — если нужно, так даже в бою командиры могут заменить. Кем? Смену найдем. Вот Вера Кашкина. Она, если ей помочь, вполне может вести животноводство. Игорь Кручинин. Из таких молодых людей выходит хорошие работники. А конюхом — старичка Ястребав...

Что эта Вера Кашкина? Она миновувшей осенью выдержала в институте, но не прошла по конкурсу и вернулась домой. Мать поплакала вместе с ней, а потом обдумалась и говорит:

— Что ж, дочка, не всем, видно, быть с высшим образованием, можно жить и в среднем, пойдем со мной на ферму в доармию, Игорь Кручинин вернулся из армии, но побоялся ехать в запущенный колхоз, нигде не застрял по дороге, ну и — возьми бригадиром.

Идет день за днем; Самзнаю, Березин и Зайцев бржжат, сидят, не что чувствуют, что новый председатель верную линию проводит, и мало-помалу принимаются за дела, переставая прикладываться к станку.

С чего это вы сразу переменялись и бросили? — спрашивают колхозники.

— Мы не бросали и бросать не будем, — курчатся они и выпивают напоказ раз и другой, но получается что-то не так и не то, нет прежней беззаботности. В чем разгадка этой загадки? Сразу же и сообразить трудно. Но атмосфера в кол-

зе изменилась, все почувствовали облегчение и воспрянули духом.

Наступил сеноек. Новый председатель говорит:

— Давайте, товарищи, дружнее косить; не только колхозный, но и свой скот ныне обеспечим кормами. Так зажег он, а Самзнаю на улице сразу после собрания начал расхолаживать.

И прошлый год тоже говорил, да ничего не вышло, и у него не получится. Те колхозники, которые при всех неостатках и трудностях работают честно-благородно, косят и вскоре получают десятую часть сухим сеном. Как увидели это остальные, так сразу все на луга. Самзнаю вывел всю свою семью от мала до велика.

Все дуга, все поля сенных трав мы стагами устали. Поглядывай, а они стоят, как баини сторожевые, и там и тут. И для личных коров у всех запас сена.

Перед уборкой намекнул Пафнутычу: — Будет ли на трудодень-то? — Думаем, что будет. — А сколько? — По виду определить не могу, амбар покажет.

Хорошо-чудесно. Раз новый председатель сказал, — верить можно. Убрали озимые, убраем яровые, заготовки ныне выполняем наравне с незапущенными колхозами, отвозим, наконец, последние тонны, а амбар вроде бы еще ничего не показывает. И вдруг через несколько дней, как радиопередача, проходит слух: вчера вечером заседал правление, а сегодня уже можно получать по пятнадцать грамм ржи и по рубль тридцать денгами на трудодень. Давненько у нас так-то не было.

Продолит неделя, другая, и опять слышно: по триста пшеницы! Немного погодя: по двести грамм овса. Неплохо получается. Особенно веско выходит в крепких работающих семьях, у которых по восемьсот, девятьсот и тысяче трудодней, да еще до конца года несколько сот будет. И к тому же еще мысль о том, что руководство колхоза заботится о людях, изыскивает все возможности, чтобы оплатить их труд, рдовала нас, согрела, поднимала дух. В то же время колхоз начал строительство большого скотного двора, а шефы поставили каменную слесную баню. Но баню и еще не говорят? Забыл, видно, по-прежнему сказать. Внеси в запись и баню.

— Вот как надо было хозяйствовать, — говорит Самзнаю колхозники. — Ты кричал «знаю, знаю», а ничего ты не знал и не знаешь, а думал только о своей утробе. Люди хоть выпей, что ли, за здоровье нового председателя.

— Не могу, — говорит. — А почему? — На свои-то больно дорого, — проговорился Самзнаю.

Вот она — разгадка: на колхозные лучше не пьется, на свои-то убыточно. Что я упустил? Да, горюх у нас ныне удался: стрючок на стрючок. Сергей Пафнутыч невзначайных как-то семян достал и тридцать восемь гектаров ими засеял.

Мы ему говорим: — Нынче очень горюх стрючьют, Сергей Пафнутыч. Такого стрючьистого до вас здесь не было.

— Неужели, — смеется, — никогда? Не льстите ли мне? Что тебе еще пояснить? Отвяж, я подожгу говорить, язык устал. Поясню, что на трудодень и горюх был, и греча еще была, и думашь, наверно, закончу в том смысле, что, мол, так и поправился наш колхоз. Нет, братец мой, не могу этого сказать, после той запущенности колхоз не сразу пошло и сразу наберет. Но дело-то яши!

И в этом главное! Поворотный пункт. Вперед мы двинулись. И за это к председателю уважение носим у самого сердца. Хороший он работник, ценный! И заповеди у него хорошие, правильные. И еще то хорошо, что хорошо он их выполняет.

Вичурский район, Ивановской области

РОМАНТИКА ПРИКЛЮЧЕНИИ

Успех молодого писателя или режиссера, танцовщицы или актера, титрова или певца — это всегда большое, радостное событие для всех любящих советское искусство. У нас, как нигде, деять и заботливо выражают талантливую молодежь, ибо это — неперемное искусство, закон его роста.

Кино — единственная область нашего искусства, где в течение ряда лет парусился этот закон. На экранах мелькал все те же, давно знакомые фамилии режиссеров, кинодраматургов, операторов. 1954 год паровал нас тем, что после долгой паузы на экранах и сценах кинотеатров появились, наконец, новые имена молодых кинематографистов.

Новая картина «Кортик» поставлена по повести А. Рыбакова на студии «Ленфильм» молодыми режиссерами-дебютами В. Венгером и М. Швейцером (сценарий А. Рыбакова, П. Гомелло).

Повесть А. Рыбакова пользуется заслуженным успехом у нашего юного, да и не только юного читателя. Прежде всего это интересно читать, а это, полагаю, очень важно для любой книги. Повесть остро комедийна, написана прозрачным, чистым языком, в ней много юмора и увлекательной революционной романтики. А. Рыбаков продолжает в «Кортике» гайдаровскую традицию в нашей юношеской литературе. Он не только любит, но и уважает ребят, говорит с ними языком равного, знает их мечты и интересы.

Картина сделана в тех же хороших традициях. Она живо перекликается с «Тимурином и его командой», со «Школой мужества» — лучшими нашими юношескими картинами. Воспитана с помощью увлекательного — этот прекрасный принцип лежит в основе и повести и картины, хотя в сценарном перевождении повесть претерпела довольно значительные изменения. События сгущены, сдвинуты, плотнее, бытовая, иллюстративная материя сжат до возможного предела, — поэтому приключенческая сторона резко выдвигается. Картина по жанровым признакам сильно отличается от повести. Детективный материал обострен, события развиваются стремительно. Тут все: и погоня, и стрельба, и слякка, — и все это очень интересно смотреть.

Но сила картин не только в увлекательном сюжете. Сила ее в том, что молодые режиссеры сумели пронести сквозь сложные перипетии фабулы неповторимый аромат эпохи, раскрыть обязательные характеры героев. Действие начинается еще во время первой империалистической войны, стремительно прокатывается через гражданскую войну, эпизоды которой показаны своеобразно и скупой, — и вот перед нами уже Ленинград периода нава. Жизнь еще не установлена. Стены домов еще испытаны вывесками частных лавочников, а на рынках толпятся пронафталиненные старухи, подозрительные молодчики. Еще бродят безпризорники в неопикуемых лохмотьях. Новое и старое перешагивают в тесный клубок.

Но вот сами ребята организуют первый дворовый драмкружок, проводят сбор в пользу голодающих Поволья. Пойман безпризорник-воронка. И вместо того, чтобы отвести в милицию, ребята берут его в свою компанию, к себе во двор, одевают мальчугана. Вот приходит комсомолец из райкома: кожаная куртка, дерские глаза

и так давно, с юношеских лет, знакомый мом ровесникам красный платочек, туго завязанный на коротко остриженных волосах.

Впервые звучит еще незнакомое, заманчивое слово: «Пионер».

Первое торжественное обещание. Первые галстуки.

И пионерский отряд действует. Ребята решают раскрыть тайну загадочного кортика, поймав неуловимого врага, который охотится за ним. Пусть ребята действуют наивно, пусть их дерские выходки мало помогают органам советской разведки, уже давно следящей за врагом. Но эти мальчишки и тачочки вдохновлены высокими идеями защиты Родины и революции.

Картина не только интересна, увлекательна, — она необыкновенно чиста и искрена, полна высокой романтики и молодого темперамента.

Одна из сильнейших сторон творчества молодых режиссеров — это умение лепить эпизод, вести повествование энергично, скупой, смело, не боясь резких переходов, нигде не забывающая о главном в событиях, о неповторимом характере времени.

Другая их сильная особенность — продуманная, точная и воодушевленная работа с актерами, а это самое трудное для режиссера: в работе с актером проверяются его мастерство, культура, одаренность. Актеры в картине, особенно юные исполнители-дебютанты, работают отлично.

Остро, темпераментно, с большим юмором играет В. Бриц безпризорника Мишу Коровина. Обязательны простодушие и оченк выразительны В. Арапов в роли Генки Петрова. Благодарно и сердечно исполняет неслегку, «голубую» роль хорошего мальчика Мити Полякова В. Шахматов. Да и все остальные хороши. Трудно назвать слабых исполнителей в этой отлично подобранной, спяникой компании ребят.

Приятно, с большой культурой и вкусом исполняют свои роли актеры: Б. Алавердиев (Филатенко), Б. Френклин (белогвардеец Никитский), А. Толбузин (комиссар Полевой), Н. Рахвская (Терентьева).

Слаженность компонентов картины, ее высокое идейное звучание, отчетливость и осмысленность режиссерской работы, превосходное актерское исполнение — все это убеждает, что молодым режиссерам предстоит большой путь в нашем искусстве.

И мы должны быть глубоко благодарны народному артисту СССР Ф. Эрмлеру за его помощь талантливым молодежи. В целях правдивости картины, в тщательном отделе эпизодов, в глубоком внимании к внутреннему миру человека, в работе с актером мы чувствуем уроки мастера.

Михаил РОММ, народный артист СССР

Кадр из кинофильма «Кортик»

из ОПЫТА
СОВЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Зрелость мастера

1. Женщина едет в Москву. Та самая женщина, что еще недавно была рабочей, что выжила замуж в тринадцать и старилась в двадцать лет, да которой мир темнее за грудкой сеткой паравиди. И вот, свободная посланница свободного народа, она вступает под своды Кремля.

Может ли сердце поэта оставаться равнодушным к этому событию, в котором едва ли не с наибольшей глубиной и силой отразились неслыханные перемены в жизни среднеазиатских народов? И поэт пишет от имени женщины:

Ведь каждый свет, который с детства в Горах видела над своим селением, Великих звезд Кремля был отраженем, Залогом счастья, правды, бытия.

Меня страна родная избрала В Совет Верховный. И с ее мечтою Заветною, с надеждой золотой В Москву из Балухана я пришла.

Читая эти строки, вершишь в некротичности волнения поэта, но событие, такое вдохновенное в жизни, предстает тусклым, серым в стихах. Тусклым, хотя сияют звезды, надежда названа золотой, а мечта — завестной.

И только когда автор через несколько лет отказался от громких восклицаний, пыльных эпитетов, он сумел правдиво и поэтически рассказать о таджикской женщине.

возвигнула ГЭС, что электрический свет озаряет молодой Сталинабад и освещает героино стихотворения то в круглом зале университета, то в комнате, когда она ласкает своего ребенка или слушает по радио концерт из Риги. И надежда не названа золотой и мечта завестной, а мы чувствуем, что исполнилась надежда, осуществилась мечта таджикской женщины.

Когда читаешь сборники стихов Турсун-заде, то сначала кажется, что пропущена лежка между его ранними стихами и зрелыми. Что же, произошел внезапный переход в творчестве поэта? Нет, так может показаться лишь поверхностному наблюдателю. Творческий путь Мирзо Турсун-заде — это путь от поэзии условной к поэзии социалистического реализма, трудный путь, на котором была не только радость побед, но и горечь поражений, наконец, путь, отмеченный неспиривной до сих пор не завершённой борьбой за утверждение своих поэтических принципов.

2. В одном из крупных книжных магазинов столицы есть очень хорошая книга, книга пожеланий читателей — «Что издать?». На днях я прочел в этой книге запись читательницы Макаровой: «Издать «Стихи об Индии» Турсун-заде или вообще его стихи».

Таджикский поэт Мирзо Турсун-заде пользуется любовью миллионов читателей, и черты того, за что мы его любим, можно найти и в ранних его стихах. Рядом с беспредметными строками его напыщенных газелей — такой тонкий, уверенный словесный рисунок:

Жилище наше, помню, находилось В развалинах упрямго Гиссара. Поселение серенькой деревни Стояла крепость. Грозно и надменно Она взидала на семью домник. Под небо сотни вездников плясали На золотых конях, а у копыт С румками за спиною и в цепях Неведомые юноши да старухи. Чего-то ожидали. Но чего? Чем одарить могла их эта крепость. Похожая на совет папая?

Даже не зная имени автора, мы угадали бы по этим четким строкам, по сходству

сравнению крепости с советскою палача, по тонкому и строгим эпитетам перо Турсун-заде.

Какие же преграды стояли (а иногда и сейчас стоят) на пути поэта к реализму? Правы ли те критики, которые видят новаторство поэта в том, что он ломает классические ритмы и метры (а это неверно), или только в том, что он так сказав, наполняет старые метры новыми слов — «революция», «интернат» и т. д.?

Нет, дело обстоит гораздо сложнее. Меру значения творчества Мирзо Турсун-заде для родной литературы (а значение это очень серьезно) нельзя понять, не уяснив себе те пути, по которым идет развитие современной таджикской поэзии.

Литературное наследие таджиков огромно. На протяжении столетий в обиход таджикских читателей вошли не только такие геники как Рудаки и Фирдоуси, Саади и Хафиз, Омар Хайям и Джами, но и многие менее крупные и самостоятельные поэты. По единственному, уже установившемуся мнению, одна из основных помех дальнейшего росту советской таджикской поэзии (и вообще поэзии Советского Востока) — то, что ныне современные поэты до сих пор находятся в плену обветшалых канонов старой поэзии. Но это во многом верное положение предлагается в чересчур общем виде и большей частью лишено даже элементарного анализа. В одну кучу сваливаются все поэты прошлых веков — и классики, и эпиконы, и представители прогрессивных течений, и придворные неспосонцы, не говоря уже о том, что у одного и того же поэта мы находим и нам близкое и нам чуждое. Тем самым современному поэту Советского Востока как бы отказывают в праве учиться у родных классиков.

Но истина состоит в том, что учитель, ро-первых, надо выбирать, а, во-вторых, надо быть не подражателем, а продолжателем. Есть еще стихотворцы, которые считают, что они учатся у классиков, когда воспроизводят газели, мухаммады и другие условные формы стиха, подражая при этом витязеватом языком третьестепенных эпиконов классической поэзии.

Поэтическая работа Мирзо Турсун-заде интересна тем, что он, хотя и не сразу, сумел и выбрать учителя и стать их продолжателем. Он берет у Джами народный, почти бытовый язык ирчи и отбрасывает его аллегорические построения, берет у Гедля яркость поэтических красок и отбрасывает его крайне усложненный синтаксис, он учится у Хафиза образной речи, гармонии, но никогда не копирует: он

учится у него петь, но поет своим голосом. Крылатым стало на Востоке изречение Хафиза: «За ридунку красавицы отдам Бухару и Самарканд». Турсун-заде вспоминает это изречение, когда видит в Индии, стоявшей под игом колонизаторов, игру артистки Тара-Чандри, но отталкиваясь от Хафиза, восклицает:

Красавица, я не попал В сгибы твоих густых кудрей, Не властен надо мной ни взгляд, ни ридунка между бровей... Волебно мастерство твою, Но как горько твоя судьба! О Тара-Чандри, Тара-Чандри, и раба! (Перевод В. Державина)

«Рабица и раба». Так никогда не сказал бы Хафиз. Так мог сказать только современный поэт свободной страны. Державинское «я раб...» заключает в себе совершенно иной философский смысл.

Причину серьезнейших удач Турсун-заде мы видим, между прочим, и в том, что он прочел родных классиков глазами человека, обладавшего опытом русской реалистической литературы. Назумительный, правдиво-выскающий реализм Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тютчева помогу ему увидеть реалистические черты в творчестве Фирдоуси и Хафиза, — увидеть, усвоить и в меру своих сил — продолжить.

3. Прочитывание двустиния о Тара-Чандри входит в цикл индийских стихов, привнесенных Мирзо Турсун-заде всеозвонной известностью и признательностью многих тысяч читателей за рубежом.

Поэт начинает стихи об Индии с рассказа старого таджика, с описания окранный дореволюционного Самарканда. В чем смысл такого приема? В ответе на этот вопрос — одна из разгадок силы поэтического воздействия Турсун-заде. Индия для него — не далекая экзотическая страна, это кроиво связан с ней, как сын и певец Востока, кровно заинтересован в ее судьбе, ибо в ней предстает прошлое его родной земли, его родного народа.

Из страны социализма приехал поэт на землю Индии, когда на ней еще хозяйничали колонизаторы, увидел, нет, почувствовал каждой частичкой души своей ее муки, ее горе, ее великую душу, жаждущую свободы. Он не остался равнодушным к чудесной природе, к необыкновенной архитектуре, к нравам городских улиц и

Нет, поведаю вам я, в сердечном волнении, О несчастных, что обречены от рождения... Как безглаголю стонорятся все их — взгляни! (Перевод В. Державина)

Турсун-заде увидел в чужеземном — человеческом, в рабах — вольнолюбие и сказал: — Они люди, они достойны самого светлого, самого высшего человеческого счастья. Поэт Востока, он выразил уважение, любовь, сочувствие всех советских народов к прекрасной Индии, и в этом — то же истинное популяризаторство его стихов. Любовь, сочувствие, уважение — не пустые слова, они свидетельствуют о душевном богатстве советского человека, и поэт находит многообразные средства поэтического выразения их.

Глубоким лиризмом дышат его пейзажи, яркой метафорической речью поражают стихи о горе инкстаганского селения: Здесь была полновластной хозяйкой смерть; То британским полковником, тонким, как жердь, В мир вонзавшись колочками узеньких глаз...

Одним из удивительных свойств русского классического стиха, нашедшим свое развитие в творчестве Маяковского, является полное совпадение изменения ритма с движением мысли в стихе. Учась у русской поэзии по-настоящему, вдумчиво и творчески, Турсун-заде прекрасно уловил это ее свойство. Верно заметил С. Кирсанов в статье «Поэт поэзия», говоря о стихотворении «Две дороги»: «Рассказ поэта исполнен такой убежденной стремительности, что чудится, будто и сам ты несешься над черным самнем Кабы... И если вы вглядитесь в эти... строчки, вы поймете, что они могли быть написаны только в небе, в полете, — таков рисунок торжествующего влады нефтенпровода и повиснувшего нефтяного облака».

Таджикского поэта не раз упрекали в том, что его «зрелые» стихи сильнее стихов, посвященных советской жизни. Беспорно, в этих упреках много справедливого, но все-таки вряд ли можно с такой хурхурчической смелостью рассекать поэта на части: разве не характерны для советских людей поездки в зарубежные страны, разве их взгляды на зарубежную жизнь, не рождены нашей, советской жизнью? Герой стихов Турсун-заде об Индии и Инкстагане, Иране и Праге — советский человек с его воззрениями и чув-

ствами, и это — тоже один из истоков популярности его стихов.

4. О советских людях Турсун-заде написал свою новую поэму «Хасан-арбаб». Поэма Турсун-заде — это и автобиография, и история родной республики, и жизнеописание героя.

Автор рассказал нам о жизни Таджикистана, создав оригинальный человеческий характер, описав жизнь рядового советского человека не «вездущей» профессией с помощью простых, доходчивых образных средств.

Юность автора совпадает с юностью Таджикистана. Нет еще в республике высших учебных заведений, видны еще на улицах Сталинабада черты старого кишлака Дошамбе, редко встречаются автомашины. Подростки из детдома (и среди них автор) отправляются на учебу в Ташкент. Железной дороги нет, они едут до ближайшей станции на арбе известного всем арбаши Хасана. Хасан выделен в свое ремесло, в свою арбу, в своего коня. Он убежден, что нет человека, более нужного и почетного, чем он. Не он ли перевозит грузы республики — хлеб, ветошь? А сам он живет, свободный, как ветер, арба — его дом, конь — его семья, и больше никто ему не нужен.

Растут, мучают таджикские студенты в Ташкенте, растут, мучает Таджикистан. И вот, окончив учебу, автор возвращается домой, но без помощи Хасана: железная дорога проведена до Сталинабада. Куда теперь деться Хасану с его старой арбой? Но Хасан не сдастся:

Коня продать? Арбу отдать на слом? Как это может в голову прийти? Нет, он своим гордится ремеслом. Еще он будет нужен и в чести. (Перевод В. Державина)

К спорам о поэзии

В развернувшейся дискуссии о современной поэзии прежде всего обращает на себя внимание постоянное подчеркивание того, что поэзия сейчас мало читается. Приводятся высказывания библиотечек и книгоздателей о малом читательском спросе на книги поэтов. Известно, что тиражи поэтических книг чрезвычайно малы и не идут ни в какое сравнение с тиражами книг прозаиков. Обычно упоминается 5—6 фамилий «популярных» поэтов, книги которых не залеживаются на полках библиотек и на прилавках магазинов. Эти «избранные» действительно немногочисленны: Исаковский, Твардовский, Сурков, Шипачев, Симонов, Маршак. Остальные поэты при этой классификации попадают в туманную рубрику «и др.». Очевидно, молчаливо признается, что их книги не имеют читательского спроса, их творчество не заслуживает особого внимания, их индивидуальности не выявлены.

В. ДРУЗИН

Но так ли это на самом деле? Действительно ли круг читаемых поэтов столь невелик? Действительно ли, кроме пяти-шести поэтов, в современной советской поэзии нет других? И так как сразу же да ламать приходить фамилии многих серьезно работающих поэтов, кроме вышеперечисленных, то возникает, естественно, важный вопрос: столько ли у нас действующих поэтов, не обходят ли перечисленные привычные пяти-шести популярных фамилий общее представление о достижениях современной советской поэзии? На этот важный злободневный вопрос пытался ответить в своей острой дискуссионной статье Илья Сельвинский. Он справедливо заявил, что в советской поэзии плодотворно работает немало талантливых поэтов, каждый со своим особым, индивидуальным творческим почерком. Причислять их всех под одну гребенку, приглаживать под одну мерку неправильно и нецелесообразно. Но, кроме этого справедливого утверждения, Илья Сельвинский выдвинул в своей статье и другие, которые вызывают возражения. Он, оперируя образом оркестра, состоящего из различных инструментов, по существу, предпринимает попытку переопределить исторически сложившиеся ценности в советской поэзии. Относя творчество Твардовского, Исаковского и Суркова к группе инструментов типа баян—аккордеон—гармонь, он творчество Антокольского и свое собственное трактует образно как рояль и виолончель. Тут же он восхваляет мастерскую словесную джигитовку Кирсанова и всеми этими образными сравнениями внушает читателю мысль, что творческая работа Антокольского и Кирсанова, а пример, шире по диапазону, глаже и сложнее, чем творческая работа Исаковского, Твардовского и Суркова.

В этом парафе статьи Илья Сельвинского, и против него надо протестовать. С такой переоценкой ценностей согласиться никак нельзя. Отнюдь не случайно, а в силу своих подлинно серьезных творческих успехов приобрели любовь читателей масс лучшие советские поэты. Народность, реализм, доходчивость стихов Исаковского, Твардовского, Шипачева, Суркова бесспорны. И не о том должна идти речь, чтобы были отвергнуты эти исторически сложившиеся ценности, а о том, чтобы рядом с ними увидеть и другие ценности, создаваемые поэтами, которым до сих пор не велено в критических статьях, обзорах, учебных пособиях, везде, где пропагандируется современная советская поэзия.

Пропанганда поэзии поставлена у нас в рух вон плохо, и это крайне жестоко отражается и на проведении творческой дискуссии по вопросам поэзии.

На некоторых собраниях библиотечек сами признаются, что они не умеют как следует рекомендовать поэтические сборники читателям, не умеют рассказывать о поэтических, особенно лирических, произведениях, в отличие от прозаических. В то же время читатели, которые якобы не интересуются поэтическими сборниками, на любом литературном вечере очень тепло встречают многих и многих поэтов, читающих стихи с эстрады.

Итак, книги поэтов не расходятся, а стихи в устном исполнении охотно слушаются? Кто разберется в этом противоречии?

Недавно в Ленинградской центральной библиотеке имени Маяковского был проведен специальный вечер современной поэзии. Участвовали поэты, о которых или почти ничего не пишет наша критика или изредка вспоминает с обязательным эпитетом «ленинградский» (поэты, живущие в Москве, обходятся без соответствующего эпитета). И этот вечер прошел весьма оживленно. Было очень много народу, не хватало мест в зале, и многие несколько часов стояли, слушая чтение стихов. Этот вечер наглядно свидетельствует о значении пропаганды достижений современной поэзии.

Плохо не только то, что критика наша мало пропагандирует творчество различных поэтов. Плохо и то, что иной раз критика ничего не стоит одной небрежной фразой зачеркнуть плоды многолетней работы того или иного серьезного поэта.

Так, недавно критик Ан. Тарасенков, оперируя всего лишь несколькими строками из поэмы А. Ренетова «Первая весна», заявил, что и вся поэма нигде не годится и вообще за много лет работы в поэзии Ренетов не научился писать, «не сумел до сих пор осмыслить большие задачи поэзии». Никакой аргументации в этой статье не было.

В 1952 году вышел одностопный стихов и поэм давно работающего в поэзии В. Саянова. Критика отозвалась на появление этого одностопника, подытожившего многие годы работы талантливого поэта... полным молчанием. А на общегородском собрании библиотечек Ленинграда, посвященном подготовке ко Второму съезду писателей, некоторые библиотечки признались, что они, зная Саянова как автора популярного романа «Небо и земля», первый раз слышат о его поэзии.

Проведение дискуссий о поэзии затрудняется и тем обстоятельством, что у нас нет теоретических трудов по вопросам истории и теории поэзии. В самом деле, кто написал историю русской классической поэзии, проследившая закономерности ее развития? Кто написал историю советской

поэзии во всем ее многообразии? Где у нас книги по теории стиха? Где, наконец, краткие учебные пособия по стилю начинающих поэтов?

Разгоревшийся недавно спор между Ольгой Берггольц с одной стороны, и Николаем Грибачевым и Сергеем Смирновым, с другой стороны, о лирике «самовыражения» в этом смысле характерен. Спорящие стороны стали уже докапываться до самой сути дела, рассматривая вопрос: что есть поэзия?

Пошли в ход цитаты из Белинского, и пока что спор остановился на утверждении, что поэт-лирик раскрывает в стихах свою душу и это раскрытие своей души является «самовыражением» поэта. Ольга Берггольц, усложняя прибогатая к авторитету Белинского, сейчас делает вид, что спор начался с каких-то ликвидаторских попыток некоторых литераторов уничтожить поэзию как раскрытие души поэта.

Но мы напомним, что спор начался с такой трактовки пресловутого «самовыражения» Ольгой Берггольц, когда раскрытие души поэта отрывалось от реальной действительности и воплощалось в болезненно ущербных стихах, воспевавших душевные мучения как высшее счастье.

Несмотря на отсутствие общепризнанных современных трудов по теории поэзии, мы все же знаем, что раскрытие души поэта может производиться по-разному — в отрыве от жизни или в тесной связи с жизнью. Поэзия социалистического реализма давно уже показала, что в личном «я» поэта проявляются жизненные интересы народа. Традиция декадентские и реакционно-романтические, наоборот, утверждала полную оторванность поэзии от реальной действительности.

Владимир Маяковский, создавая поэзию социалистического реализма, прекрасно понимал, что некоторые поборники самодовольного «самовыражения» хотят затерять активное участие поэтов в социалистическом строительстве. Владимир Маяковский говорил: «В поисках самовыражения лирической сущности своей собственной души литератор оторвался от самого главного: быть активным бойцом, активным работником на фронте нашего социалистического строительства».

В этой четкой формуле Маяковского дан ответ (как видим, уже давно) на доводы сторонников точки зрения Ольги Берггольц. Самое досадное и неприятное в возникшем споре — это стремление опровергать удачные, болезненно настроенные, которые иногда появляются и в лирике Ольги Берггольц, могут появиться и еще где-нибудь, тем более, что критики вроде С. Бабыньшиной берут под защиту такие стихи С. Бабыньшиной пропандангуют стихи Ольги Берггольц о душевных мучениях как высшее счастье, ссылаясь на стихотворение А. С. Пушкина «Желанье».

Пушкин-линейст в 1816 году действительно писал:

«О жизни час! лет, не жаль тебя, Иезины в тыме, пустое приращенье; Мне дорого лишь мое мученье. Пускай умру, но пусть умру любя!»

Конечно, мы не станем упрекать юному Пушкину в том, что он не был сторонником социалистического реализма в поэзии. Но кого же может убедить довод, что этим юным стихотворением Пушкина-линейста можно оправдать современные упадочные, болезненно ущербные стихи.

В статье Илья Сельвинского его попытка принизить значение творческих достижений Исаковского, Твардовского и Суркова вызывает чувство протеста потому, что Сельвинский пытается идти наперекор развитию советской поэзии.

Если вспомнить пути развития советской поэзии за тридцать с лишним лет, то разве не ясно, что широко распространенный в двадцатые годы запутанно-сложный стих, затруженный пестрыми, мозаичными образами, постепенно был вытеснен стихом ясным, четким, усвоившим традиции классического реалистического стиха? Ведь это движение от излишне усложненного стиха к стиху четкому и ясному проследывается и на эволюции творчества лучшего советского поэта Владимира Маяковского. Кто же, кроме лакировщиков и вулгаризаторов, может отрицать, что ранние стихи Маяковского отличались мозаичной пестротой затрудненных образов? И в советские годы в таких, например, произведениях, как «Наш марш» и «Про это», давали себя знать реиндустрии этой излишней усложненности в стихах, в то время как лучшие произведения Маяковского, написанные в последний, зрелый период его творчества (почему-то меньше всего привлекающий внимание исследователей), отличаются всеми теми достоинствами, которые присущи образным произведениям социалистического реализма.

Вспомним эволюцию творчества Николая Тихонова, также в двадцатые годы грешившего поэтикой ненужными формальными ухищрениями, Николая Асеева, Павла Антокольского, Семена Кирсанова, который интересен, конечно, для читателей не «словесной джигитовкой», а такими реалистическими произведениями, как «Твоя поэма», «Макар Мазаев», «Станция «Маяковская» и т. п.

Образная мозаика, затрудняющая восприятие читателем стихов, была весьма распространенной в нашей поэзии двадцатых годов. И большой заслугой таких поэтов, как Твардовский, Исаковский, Шипачев, Симонов, является утверждение след за зрелым Маяковским образности яркой, но не запутанной, стиха четкого и доходчивого.

У Семена Кирсанова и у Илья Сельвинского такие произведения, как «Макар Мазаев» и «Ливонская война», свидетельствуют тоже о победе реалистического принципа в их творчестве, так же как и у Николая Асеева «Лирическое отступление» можно противопоставить «Семена Прескакова», «Маяковский начинается» и ряд других подлинно реалистических произведений.

Читатели о литературе

НЕПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА

Последний период в советской литературе ознаменовался большим и глубоким интересом наших читателей к людям колхозной деревни. В течение сравнительно небольшого времени создан ряд произведений, правдиво отображающих существенные черты облика нашего крестьянства.

Наиболее значительные из этих книг — «Живая вода» А. Коженинкова, «Счастье» П. Павленко, «Жатва» Г. Николаевой, «Ясный берег» В. Пановой, «Пловучая станция» В. Закурткина — завоевали широкую известность в читательской среде.

Однако, несмотря на эти видные успехи нашей литературы, следует признать, что у нас еще не создано такое произведение, которое отразило бы со всей глубиной те исторические перемены в жизни колхозного крестьянства, которые произошли в послевоенный период.

В связи с этим вспоминается «Поднятая целина». В период коллективизации сельского хозяйства М. Шолохов создал глубоко партийную книгу, с огромной эмоциональной силой показав в ней рождение нового, подлинного хозяина земли и неизбежную гибель паразитирующего класса. Из всего многообразия ярких жизненных ситуаций, драматических конфликтов и возвышенных чувств Шолохов, как подлинный художник, отобрал те коллизии, которые определяли эпоху. Шолохов сумел воплотить в ярких художественных образах идею союза рабочего класса с крестьянством.

И сейчас, в наше время, в период перехода от социализма к коммунизму, когда руководящая роль рабочего класса еще более возросла, укрепилась связь города и деревни, хотелось, чтобы были написаны такие же книги о тружениках села, герои которых со страниц романов и поэм пришли бы на передовые рубежи строительства коммунизма и были бы дороги всем поколениям, как дороги наш Навел Корчагин, Давыдов, Чапаев, Яз...

Решение партии об освоении целинных и залежных земель раскрыло новые возможности для вдохновенного труда наших людей.

Перед писателями и поэтами стоит задача — показать образ сельского рабочего, создающего обилие материальных благ. До сих пор тема сельского рабочего является неподнятой целиной. Ее почему-то упорно обходят наши писатели и поэты. Только Г. Николаева в «Жатве» и «Повести о директоре МТС и главном агрономе» в какой-то степени затрагивает ее.

Кто эти сельские рабочие? Среди них, с одной стороны, труженики деревни — крестьяне, знающие агрономические основы сельского хозяйства, его машинную технику, а с другой стороны, — приехавшие из города заводские рабочие, несущие культуру крупного промышленного производства. На целине эти два могучих потока человеческого потока сливаются воедино. В этом процессе происходит непрерывная кристаллизация и шифровка характеров людей.

Задача писателей — уловить черты, свойственные людям, поднимающим целину на востоке нашей Родины.

Однако то, что опубликовано в нашей печати, к сожалению, не выходит за пределы показа преодоления «палаточных трудностей» — первого этапа совхозного строительства. Спорит, над нами есть достаточное мужества и самоотверженности, чтобы сменить в зимнюю пору благоустроенные квартиры на палатки в бескрайней заснеженной степи. И об этом тоже писать следует, однако надо видеть прежде всего конечную цель большого патристического движения, вызванного в жизни волей партии.

Советские читатели ждут от писателей книг о сельском рабочем и его героических буднях, которые были бы написаны с таким же глубоким проникновением в сущность жизненных явлений, с такой же силой обобщения и горячим сердцем, как «Поднятая целина» М. Шолохова и другие произведения советской литературы, ставшие нашей классикой.

Т. ТРОФИМЕНКО, Ф. КОЗЫРЕВ

РАЗВИВАТЬ ЧУВСТВО ПРЕКРАСНОГО

Я работаю мастером на одном из таллинских заводов. Очень люблю литературу, книги, и мне хочется сказать своим любимым писателям несколько слов.

Дорогие товарищи писатели и поэты! Мне кажется, что вы еще мало уделяете внимания воспитанию у своих читателей чувства прекрасного.

«Прекрасное есть жизнь», — писал когда-то Чернышевский. И тот человек, который глубоко чувствует красоту, по-настоящему любит жизнь, любит Родину. Поэтому задача писателя — воспитывать у человека это чувство прекрасного.

Писатель добьется очень многого, если заставит почувствовать читателя, как прекрасно осеннее утро, если заставит читателя задумчиво пройти по аллее золотистых деревьев... В такие минуты вспоминается юность, первые самостоятельные шаги в жизни, первая любовь... Хочется так много мечтать, хочется успеть сделать еще очень многое...

Но, к сожалению, таких произведений немного. Мне запомнились, как лучший, сборник рассказов Константина Паустовского «Вет времени» и его вполне изданная «Повести о дезде». И лишь одно огорчает: в конце сборника «Вет времени» помещены совсем удачные сказки, вроде той, которая раскритикована самим же автором в рассказе «Секонья».

Еще один недостаток многих произведений нашей литературы — отсутствие той горячей страсти, которая необходима нашей молодежи.

Мне хочется, чтобы на Втором всесоюзном съезде писателей задумались и над этим. Хочется надеяться, что в нашей литературе снова будет «Иезия о Сокоде», снова будут «Стихи о советском ребенке», снова будет такой же горячий, неудержимый энтузиазм Павла Корчагина.

А. ХРИСТЕНКО

ТАЛЛИН

Конфликты или недоразумения?

Председовская дискуссия по вопросам драматургии явно не клеится. То ли она еще не началась, то ли уже окончилась. На первый взгляд, действительно, спорить не о чем. Все согласны, что драматургия должна быть боевой и правдивой, конфликт необходим, лакировка действительности вредна, нужен положительный герой, а также сатирический жанр и многое другое...

Однако можно с уверенностью сказать, что даже по этим кардинальным и не раз обсуждавшимся в печати вопросам далеко еще не существует ясности и единства. Часто убеждаешься в том, что, произнося, как заклинания, одни и те же формулы, люди вкладывают в них разное содержание. А укореившаяся в нашей среде терминологическая шершавость только способствует этому. Мы нередко спорим о частностях, но редко переводим наши разногласия в план теоретических обобщений.

Мне кажется глубочайшим заблуждением убеждение, что пресловутая «теория» бесконфликтности окончательно разгромлена. Многие становятся понятными, если вспомнить, что носители этой теории не были названы. Результат налицо — те самые люди, которые сравнительно недавно полагали самое понятие «конфликта» установившим, грозно хмурившись, когда при них произносились слова «драматизм» или «сатира», считавшие всякое несправедленное изображение бытия воспеваемым «защитным рубежом», могут теперь в прежних тонах поучать и поправлять своих собратьев с прямо противоположных позиций.

Болезнь, загнанная внутрь, неизбежно дает метастазы. Одним из таких метастазов «теория» бесконфликтности является и пышная бытующая теория «конфликта хорошего с еще лучшим». Авторы ее неизвестны. Единственное, что можно сказать с уверенностью о ее родителях, — это то, что они не марксисты.

Даже применительно к тем пьесам, где повторы борются с почившими на лаврах хозяйственниками, эта теория не выдерживает критики. Ведь с того момента, когда «хорошее» начинает активно противопоставлять себя «лучшему», оно перестает быть хорошим и, естественно, рассматривается с позиций лучшего, как его антипод и антагонист.

Реально существующие в жизни противоречия роста и развития, разрушение старого и утверждение нового составляют внутреннее содержание драматического конфликта. Драматург всегда подстерегает людей и события в критические моменты, в преддверии качественных изменений.

Значит ли это, что с тех пор, как в нашей стране утвердился социализм, характер конфликтов не подвергся изменению? Нет, не значит. Отсутствие антагонистических классов, несомненно, ведет к тому, что целый ряд противоречий, не разрешенных в пределах старого общественного уклада, может быть успешно разрешен без социальных катастроф и гибели одной из борющихся сторон. Гусевский Маяк, Черушинский Барсунок, софруновский Ратников, Горлов Корнейчука — люди, не окончательно потерявшие для нашего общества. Но индивидуализму, карьеризму, бюрократизму, барству и косности в нашей стране объявлен смертный бой, борьба идет на уничтожение. Старое и новое, отмирающее и нарождающееся всегда непримиримы.

Отразить качественные изменения в общественном сознании, в характере и психологии человека — самая трудная и самая интересная задача, стоящая перед драматургом. У взрослого, сложившегося человека эти изменения происходят совсем незаметно. Для того, чтобы человек неверящий поверил, а верящий разуверился, любовный разладился, а равнодушный вспыхнул, непонимавший понял, а понапавший стал ясным, нужным, фигуральным выразился, токи самого высокого напряжения, температура, способная расклатить человеческую душу добеда. Немалый недостаток многих драматургических произведений последних лет — комнатная температура.

Попробу конкретизировать свою мысль, причем сознательно беру в качестве материала произведения талантливые, получившие заслуженное признание. Однако это не основание для замалчивания их слабых сторон. Недостатки плохих произведений вообще мало что доказывают.

В сценарии В. Рочетова и С. Кара и фильме И. Хейфица «Большая семья» есть несколько сюжетных линий. Главная из них связана с происшедшей на заводе технической революцией на основе метода инженера-новатора Антона Журбина. Естественно, что событие такого масштаба не может пройти без борьбы, не породит конфликтов, не вызовет изменений в людях. С кем же приходится бороться Антону? Со старым другом семейства Журбиных — мастером коммунистом Васмановым? Старик, действительно, немного покарикатурничал, экспансивно — по форме, безбездно — по существу. Со своим отцом Илеем Журбиным? Да, и он несколько дней поперничал, когда убедился, что его практический опыт уже недостаточно, — нужны теоретические знания. С инженером Скобелевым? Ну у того нет за душой никакой точки зрения, никакой жизненной позиции, — только день и легкомыслие. Антон не имеет серьезных противников, ему не с кем и не о чем спорить. Не удивительно, что Антон оказался наиболее бесцветной фигурой в сценарии и фильме.

Позднимому, авторы договариваются о некоторых своих слабостях. Не зря они так акцентируют «характерность», «правду» Журбина. Вспыльчивость, импульсивность героев позволяют почти в каждом эпизоде создавать видимость конфликта, а приучивши их юмор — тут же его ликвидировать.

В фильме есть хороший эпизод. К молодому, но уже знатому стахановцу Алексею Журбину, ожидающему в новой квартире прихода репортера, неожиданно являются его отец и мастер Васманов. Старияя сурово изболочает юншу в нескромности и занятии, а затем ухаживает, посмеиваясь, в самом мирном настроении.

Эпизод хорошо написан, поставлен и сыгран. Но если внимательно просмотреть предшествующие эпизоды с участием Алексея, то даже скваз лупу невозможно обнаружить в его характере ни одной черты, которая намекала бы на опасность застоя. Не найти их и в последующих эпизодах. Так что трюга-то в общем оказывается ложной. Опять та же карти-

Александр КРОН

на: старик сначала (температуре) перебарщивает, затем (юмор) все снимает. Теперь проследим, как развиваются в сценарии личные конфликты.

Алексей Журбин любит Катю Травникову. Катя увлекается пошлаком завлудом. Затем следует рождение ребенка, разочарование, разрыв. Алексей продолжает любить Катю. В жизни так бывает.

Очень хороша сцена, где Алексей приезжает за Катей. В этой сцене есть опяттаки и темперамент и юмор. Зритель с умиленной улыбкой следит за тем, как Алексей швыряет в чемодан катини вещи, и искренно аплодирует. Но проследим внимательно всю линию конфликта между Катей и Алексеем и мы убедимся, что в этой истории есть начало и конец и нет середины. Есть условия задачи и верный итог, но показан только процесс решения. Авторы не раскрыли нам тех черт в характере Кати, которые обусловили ее ошибку. Пошлость и невежество завлудом до того очевидны, его приемы обобщения до того элементарны, что одной юностью Кати этой ошибки не объяснить. А без этого объяснения нельзя показать перемены, происшедшие в Кате, показать, как она делается проиндустриальной, строго к себе, становится более зрелой. Мы не видим эволюции Алексея. Нам хотелось бы знать, как самолюбивый юноша преодолевает в себе чувство оскорбленного мужского достоинства, возмущение ложью, сомнение в своей избранности, как он договаривается о происшедшем в ней изменении. Авторы липнули нас решающего объяснения между Алексеем и Катей, он является с готовым решением. Это не случайно.

Виктор Журбин и его жена Лида тоже не объясняются в критический момент. О том, что Лида ушла от него, Виктор узнает на другой день, при случайной встрече. Я понимаю — кинодраматург должен быть скуп в своих приемах. Но скупость не должна нигде переходить в бедность. О другом мире Лиды и Кати, Виктора и Алексея мы узнали так немного, что, если бы авторы решили сослаться в финале на Алексея с Катей, а Виктора с Лидой, мы не заметили бы существенного нарушения логики.

«Стрекоза» М. Бараташвили — комедия. В ней много своеобразного юмора и непринужденного веселья, хороший, живой диалог. Но комедийный конфликт пьесы в значительной степени сведен к недоразумению. Спешу оговориться — я не против недоразумения как сюжетного приема. Сюжет «Свинограда» тоже построен на недоразумении. Но у Гоголя недоразумение находит законное оправдание в характерах людей, закономерно оказавшихся его жертвами. У Бараташвили оно не развивается немедленно лишь потому, что этому активно способствует автор. Если бы изобавленная бедствием Марина, приехавшая из колхоза в Тбилиси и по ошибке принятая там за Героиню Социалистического Труда, вдруг, ощутив, каким всенародным почетом окружен в нашей стране создательный труд, испытала горечь от сознания, что этот почет ею украден, а не заслужен, — ситуация была бы закономерной и острой. Но этого нет. Вместо того, чтобы рассеять недоразумение, Марина запутывается в морской жи, боясь насмешек тбилисских ростовщиков, она отказывается от ступиднейших экзаменов в вуз и беславно бежит обратно по родительское крыло. В последней картине Стрекоза уже работает бригадиром шелководов и трудолюбива, как муравей. Перепорот в характере и жизненной философии Марии происходит в антракте между четвертой и последней картинами. О том, как и почему он произошел, можно было бы написать интересную пьесу, пожалуй, не менее веселую, чем «Стрекоза».

И фильм «Большая семья» и пьеса «Стрекоза» хорошо приняты широким зрителем. Сидя в зале, зритель с удовольствием наблюдает детски импульсивных, полетевших отходчивых и смелых героев, охотно смеется и умиляется. Все это связано с чувством некоторого лакового превосходства, приятным, пока сидяшь в зале. Но я уверен, что, придя домой, зритель иногда жалеет, что не встретил на экране и на сцене собеседников, равных ему по широте и духовному опыту, друзей, более умудренных, и противников, более опасных. Ведь в действительности все происходит как-то сложнее, горячее. Хорошо сказано у Герцена: «...действительность не так элементарна, как драматические писатели, она идет до конца...».

Мне думается, что отмеченные слабости, пренецкие даже некоторым хорошим произведениям, — результат влияния неизжитой до сих пор «теории» бесконфликтности, охватывавшей свое вредное влияние и на творческую практику. Эти черты не органичны для всей советской драматургии. Если мы обратимся к тому, что сделано советскими драматургами за 20 лет, прошедших со времени Первого съезда писателей, то мы увидим, что советская драматургия всегда была драматургией острых, социально обусловленных конфликтов, драматургией, проникнутой боевым, наступательным духом. И не случайно многие довоенные пьесы обрели сейчас новую сценическую жизнь.

Проблема изображения нового человека, порожденного нашей общественной системой, — центральная и самая увлекательная задача всей нашей литературы, в частности литературы драматической. Советскому писателю придется уменее разгулять новое даже там, где оно существует в виде слабых ростков. Огромная заслуга А. Фадеева, сумевшего в своем первом романе разглядеть новое в многогрешном и чуждом Морозке и отразить в нем черты старого в юном чистом Менике, причём сделать это остро, резко, подлинно, в самом мирном настроении.

Но одно дело — видеть в сегодняшних чертах застарелого и восновать их со всей страстью партийного пропагандиста, и другое дело — видеть, презрев фатуру, в тени кабинета выдвигать желаемое за существующее. Это значит лишить свою аудиторию самой первичной радости искусства — радости узнавания.

Советский зритель хочет видеть на сцене человека не вроде переделанного, не

вообще правильного, а крупного, самобытного, оригинального, значительного во всем, даже в своих недостатках. Такому человеку дано заражать, покорять, увлекать, он может стать объектом подражания.

И нечего бояться, что, подражая ему, зритель будет подражать и его недостаткам. Только маленькие дети не умеют дифференцировать впечатлений. Восприятие взрослого человека свойственен процесс отбора. Курсант военного училища может увлечься образом Чапаева и даже в чем-то подражать ему, но он делает это не так, как ребенок, для которого подражание означает прежде всего копирование. Горький писал, что в юности он подражал некоторым чертам Рокамболя. Однако это не помешало ему стать тем Горьким, каким мы его знаем, и не сделало его Рокамболом.

Характер положительного героя может быть до конца выявлен лишь в действии, в борьбе. С кем же борется герой? Со всеми, кто так или иначе стоит на его пути, — от заклятых, непримиримых врагов до самых близких и дорогих людей, когда они ему противодействуют. И, наконец, — с самим собой. Речь идет не о самокопации, а о той непрерывной борьбе старого и нового, которая происходит и в нашем современнике.

Сила человека познается в борьбе с сильным противником. На театре, так же как в спорте, ценится только честно завоеванная, а не заранее обусловленная победа. Проблема отрицательного героя, внешне отрицательного образа, неразрывно связана с проблемой положительного героя. Теперь как будто никто уже не отрицает необходимости изображать и разоблачать отрицательные явления в нашей жизни. Но до сих пор еще очень сильно тенденция рассматривать отрицательные персонажи как некую острую шпигуру, всеми средствами подчеркивать их изолированность, нехарактерность, исключительность. Всякого драматурга, наделявшего своего героя в возрасте до 55 лет каким-либо отрицательными чертами, подстерегает коварный вопрос: «Позвольте... Но ведь вся его сознательная жизнь протекала уже при советской власти. Откуда же у него сие? Сие, конечно, легче всего объясняется классовым происхождением либо прямой связью с буржуазным Западом. Но это явный паллиатив. В основе коварного вопроса лежит неверная предпосылка, что для человека, выросшего в нашей стране, вообще ничего дурного не типично. Падаются-де отдельные выродки, но обобщать этого не следует...»

Товарищи, исходящие из вышеназванной предпосылки, игнорируют и законы искусства и живую действительность. Они забывают, что в нашей стране пока еще существует довольно объемистый Уголовный кодекс, обобщающий и типизирующий различные виды правонарушений, существуют суды, органы Госконтроля, замки и сторожа, бытовые трудности и неудачи. Имеются факты беззакония и бюрократического безудия, бесхозяйственности и откровенности, — не случайно партия и правительство так решительно ввязались на недавнее порождение в руководстве сельским хозяйством, за перестройку и сокращение управленческого аппарата. Товарищи неверно представляют себе путь развития нашей страны как некую ровную линию. Она забывает слова Ленина о том, что «...дело переработки всех трудовых навыков и нравов — дело десятилетий...»

Мне кажется неверным сводить все отрицательные явления в нашей действительности только к «родным пятнам капитализма». Но еще более неверно думать, что наше общество способно породить какие-то новые отрицательные черты, каких не было раньше. Нет, они старые, как мир. Они старые, чем капитализм. И если выпарить самую психологически сложную отрицательную фигуру современной драмы, то из нее титля мы обнаружим весьма несложный осадок: культ силы, сформулированный еще римлянами в пословице «человек человеку волк», индивидуализм и разобщенность («каждый за себя — один бог за всех») и обыкновенную корысть — ту самую копейку, уничтожить которую мечтал горьковский Левшин.

Говоря об отрицательных явлениях в нашей жизни, мы чаще всего пользуемся словом «разоблачение». Это значит именно. Для нас разоблачение зла — залог его уничтожения. Моральные устои нашего общества уже настолько высоки, что порою не может существовать в нем без маски, эгоистический интерес вынужден прикрываться вымыслом заботы об общественном благе. Никогда зло не было так широким, как в наши дни. Святая обязанность советского писателя — разоблачать все формы мимикрии. Разоблачение приводит либо к уничтожению порока, либо к сокращению значимого им плацдарма, оно заставляет наших противников раяться в новые ризы, искать более тонкие способы приспосабливания, которые в свою очередь будут разоблачены.

Народ и партия требуют от писателей правды. Но греш цена «правдолюбцам», которые понимают эту задачу только как «резанье правды-матки» по поводу наших недостатков. Долг советских писателей — поведать миру всю правду об историческом подвиге советского народа. Только тот, кто умеет любить, имеет право ненавидеть. Только тот, кто не теряет из виду великой цели, может верно судить о частностях.

Коммунисты не боятся правды. И бесподобны рассуждения тех, кто декларирует на словах любовь к жизненной правде, но шумок проповедует, что правда, конечно, нужна, но «приподнятая», в отличие от «заземленной», что не всякая правда педагогична... В частности, мне, литератору, пишущему об армии и флоте, слишком часто приходится сталкиваться с замечаниями, что не следует изображать командира, у которого есть слабости или сомнения, — это роляет его авторитет в глазах солдат и непедагогично.

Я думаю, что нет ничего непедагогичнее неправды. Правда же, в особенности соединенная с тактом и художественным вкусом, не способна никого испортить.

Идея мира победит!

С глубоким волнением берем мы в эти дни газеты, чтобы узнать о ходе Совещания европейских стран в Москве...

СЕГОДНЯ В ПАРИЖЕ

Французский народ осуждает планы возрождения германского милитаризма. На снимке: трудящиеся XI округа Парижа подписывают петицию протеста против перевооружения Западной Германии.

Вспомним только 1938 год... Страшная опасность нависла над нашей страной. Чехи и словаки, еще недавно...

Глава Чехословацкой делегации на Совещании в Москве Премьер-Министр Вильям Ширый сказал в своем заявлении: «Все более дерзко и бесстыдно звучат в Западной Германии голоса, требующие расплаты с Чехословацкой республикой...»

Задание державы, во главе с США, Англией и Францией, восстанавливать германский милитаризм. Боннский канцлер — новая надежда для сторонников войны.

Т. СВАТОПЛУК, чешский писатель

Ясная и неоспоримая правда

Что может быть яснее неоспоримой правды — создание противопоставленных друг другу блоков ведет к войне, а соглашение о взаимной безопасности — единственно реальным путем к обеспечению мира.

Нота Советского правительства от 13 ноября содержит предложения, основанные именно на ясной и неопровержимой правде. Такой правдой является также и то, что осуществление — в любой форме — преступной идеи восстановления германского милитаризма...

Эти понимают миллионы людей нашего континента, и поэтому западноевропейским правительствам не удастся объяснить своим народам отрицательное отношение к советским предложениям.

Леон КРУЧКОВСКИЙ, польский писатель

ВАРШАВА

Опасные маневры

Проблема Германии занимает сейчас важнейшее место в международной политике. Немецкий национальный вопрос, несомненно, является проблемой не только Германии, но и всей Европы.

Сторонники политики раскола Германии болтают о том, что они будто бы стремятся «установить мир» в Европе. Но этот «мир» есть не что иное, как «мир» ценой ликвидации независимости других наций, ненавистный «мир», пролитываемый «с позиции силы».

Эта политика «с позиции силы» не имеет смысла. Злая оценка реального соотношения сил убеждает, что такая политика способна лишь принести Европе страшные беды.

Переговоры в Брюсселе, Лондоне и Париже со всей очевидностью показали, как опасаются участвовавшие в них европейские государства возрождения германского милитаризма. И в то же время иные государственные деятели...

В Вашингтоне и Бонне готовят новую мировую войну. И как бы ни распределялись командные посты в Северо-атлантическом блоке, германский милитаризм ни настолько скромно, ни настолько вежливо, чтобы удовлетвориться подчиненной ролью.

Государственному секретарю США удалось навязать представителям западноевропейских стран на лондонском и парижском совещаниях американский план возрождения сил реванша в Западной Германии. Он потребовал от них: «Жив, птичка, или умри!».

Свое время эту песню отлично исполнял английский премьер-министр Невилл Чемберлен в Мюнхене? Право же, смешно слышать об этих абсурдных, мнимых гарантиях! Трудно поверить в уверениям, что хозяин, натравливающий злую собаку на курятник соседа, предвзвешенно вырвал у нее зубы...

Демократические страны Европы, включая и Германскую Демократическую Республику, не настолько глупы, чтобы дать вести себя в заблуждение этими маневрами, чтобы поверить во все это якобы бескорыстное предприятие.

Лондонское и парижские соглашения создали опасную ситуацию. В случае их осуществления будет создана серьезная угроза миру в Европе. Вот почему Советский Союз, по согласованию с Польшей и Чехословакией, предложил...

Задача свободлюбивых граждан в Европе и во всем мире — всеми средствами предотвратить смертельную опасность возрождения германского милитаризма, разоблачать маневры врагов коллективной безопасности. Это значит: громко и отчетливо говорить о том, о чем враги мира пытаются умолчать, вести полную ясность в их нарочито туманной аргументации.

Объединение стран Европы в пакте коллективной безопасности позволит осуществить и мирное объединение Германии. Совещание европейских стран пользуется поддержкой всех миролюбивых народов, в том числе немецких патриотов.

Карл КЛЕЙНШМИДТ, немецкий журналист

БЕРЛИН

Английская общественность против перевооружения Западной Германии

Последние месяцы ознаменовались в Англии крупными политическими событиями, связанными с борьбой против вооружения Западной Германии. Английский народ, забывший уроки последней войны, более настойчиво, чем когда-либо, продемонстрировал свое стремление к миру.

В сентябре на конгрессе британских трудящихся по резолюции, направленной против перевооружения Западной Германии, высказались делегаты, представлявшие 3,5 миллиона человек. И только в результате настоящих истощенных усилий иранского руководства эта резолюция была отклонена, но и то большинством всего лишь в 468.000 голосов.

Несколько позже, на конференции лейбористской партии, резолюция, осуждающая вооружение боннских реваншистов, была отклонена большинством всего лишь в 250 тысяч голосов. Произошло это лишь потому, что правое руководство профсоюза рабочих деревообрабатывающей промышленности не подчинилось инструкциям ежегодной конференции этого профсоюза, поддерживавшей требование: «Не давать оружия нацистам!».

Филипп БОЛСОВЕР, английский журналист

Хьюз добавляет: «Шахтеры и другие рабочие нашего района уже имеют большое опит. Мы знаем, что если мы дадим оружие нацистам, то оно попадет в руки милитаристов и крупных дельцов, захвативших власть в Западной Германии».

Джо Льюис (Долла Ронди, Южный Уэльс) заявляет: «Я против перевооружения Западной Германии. Но поступаю так не потому, что озлоблен, а потому, что, подобно многим другим, стремлюсь к миру. Я считаю, что перевооружение Германии, где у руководства все еще находится нацизм, является бы угрозы миру».

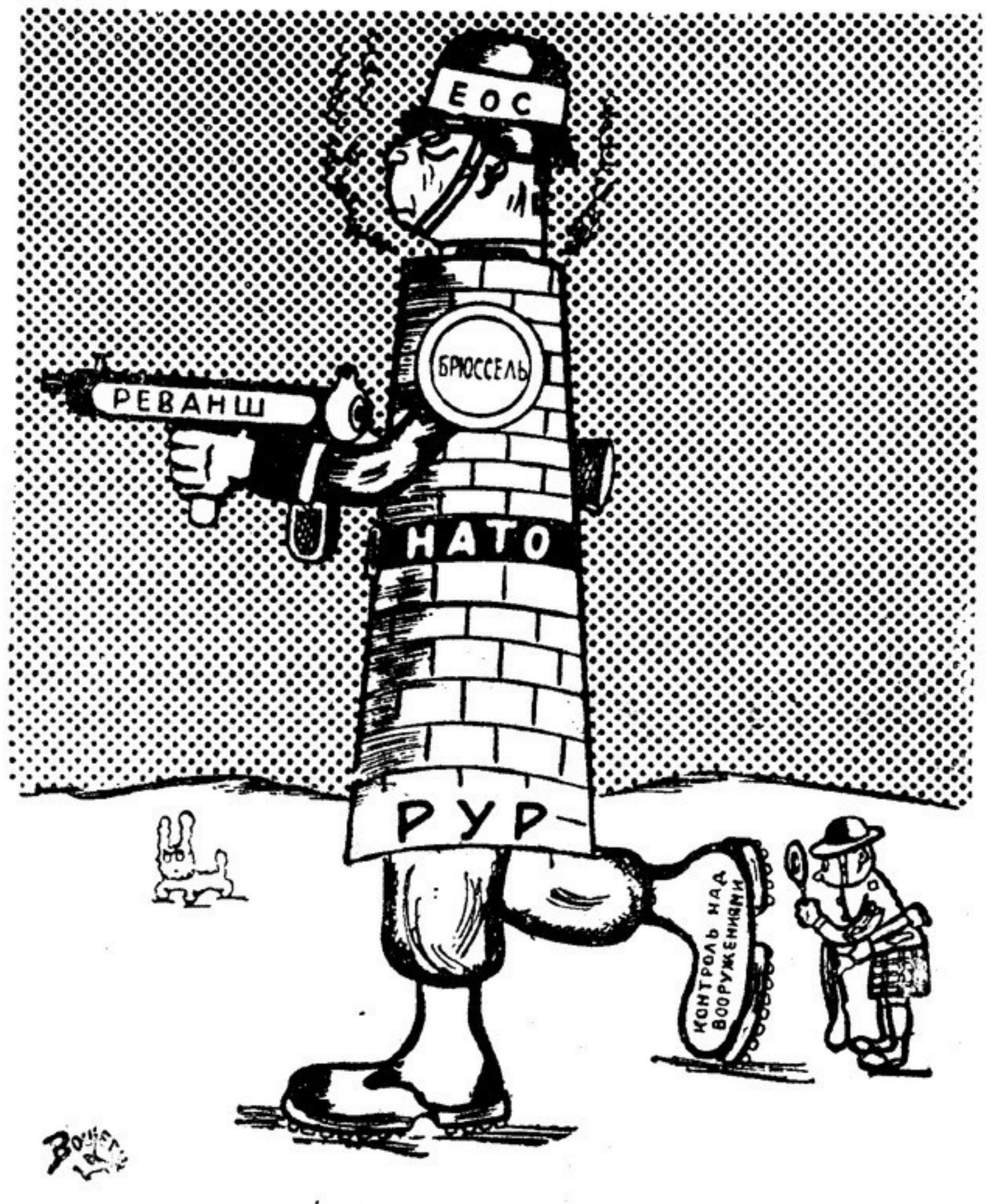
Дж. Томас из Петрада (Южный Уэльс) говорит: «Три года назад я посетил Западную Германию. Я уверен, что рядовые члены немецких профсоюзов выступают против перевооружения. С моей точки зрения, нелепо, что наше лейбористское движение должно поддерживать перевооружение Германии, хотя сами немецкие профсоюзы высказали свое отрицательное отношение к нему».

Другой видный руководитель лейбористской партии в этом районе, Вирнон Горнс, секретарь окружной организации лейбористской партии в Роттерме заявляет: «Мы должны верить не Аденгауэру, а немецким трудящимся».

Член исполкома лейбористской партии Мэв Коккер вышла из состава лейбористской партии, заявив, что не согласна с политической программой Западной Германии, которую поддерживает правое руководство партии. Она говорит: «Я не думаю, что со стороны рабочих нашей страны было бы благодушно готовить рабочих Германии к войне против рабочих России».

Именно эта мысль определяет характер движения за мир в Англии, движения, получившего повсеместную поддержку все большего числа людей.

ЛОНДОН

Новый камуфляж... Рисунок худ. Було из французской газеты «Франс нувель»

На перекрестке двух дорог

Гитлеровский генерал Гудериан недавно до смерти заявил: «Мы, к сожалению, не свели своевременно окончательных счетов с Англией сразу же после победы над Францией».

Некоторым руководителям западной дипломатии следовало бы выгравировать слова Гудериана на стенах своих кабинетов и перечитывать их каждый раз, когда у них возникает намерение сделать очередной шаг к возрождению германского милитаризма.

В Лондоне и Париже западные державы вступили в открытый союз с германскими милитаристами. Если лондонское и парижские соглашения будут осуществлены, ремиляризованная Западная Германия станет членом военной группировки западноевропейских государств, войдет в Североатлантический блок.

Нельзя же зачеркнуть весь опыт истории международных отношений нескольких десятилетий. Те французские политические деятели, которые сегодня выступают в качестве рьяных сторонников парижских соглашений, могли бы с пользой для себя перечитать некоторые страницы книги, написанной их коллегой Польем Рейно в 1947 году.

В этой книге бывший французский премьер-министр доназывал, что Россия является естественным союзником Франции и что в пользу этого говорят здравый смысл, история, географическое положение и стремление германских милитаристов воевать против Франции и России поодиночке...

Известно, как плачевно закончились попытки некоторых политических деятелей Франции, Англии и США после первой мировой войны возродить германский милитаризм для того, чтобы использовать его в своих целях. Потерпев в 1918 году поражение, германские милитаристы с первого же часа после подписания перемирия стремились подготовить благоприятные предпосылки и «перепрыгнуть игру» в Европе.

Истинные устремления германских милитаристов начали выявляться уже во время работы мирной конференции 1919 года. Так, в феврале 1919 года в Прибалтику по соглашению с Антантой была перебрана германская армия под командованием фон дер Гольца для того, чтобы служить здесь стержнем антисоветской интервенции.

Однако правящие круги США и Антанты скоро могли убедиться в том, что дух, которых они выдвинули, действуют против них самих. Германские милитаристы попытались тут же превратить Прибалтику в свой оплот на востоке Европы с тем, чтобы обрушиться на тогдашнюю шляхетско-буржуазную Польшу, которая была в то время вассалом западных держав.

Германским милитаристам оставался наступательное оружие в надежде, что оно будет применено не на западном фронте! Так, 9 марта 1919 года германская пресса сообщила, что авиация бомбит баррикады повстанцев рабочих на Франкфурт-Аллее в Берлине, а 17 марта на заседании комиссии Парижской мирной конференции из проекта мирного договора с Германией, по настоянию президента США Вильсона, была вычеркнута статья о запрете производства самолетов в Германии.

Итак, еще во время обсуждения и подписания Версальского мирного договора дипломатия западных держав начала движение по тому порочному кругу, который замкнулся в Мюнхене. Навязывая идею образования военной группировки при активном участии германских милитаристов, превращала Германию в очаг новой войны и приносила печальными бедствия всем народам Европы.

Все эти годы германские милитаристы получали прямую и косвенную поддержку англо-американской дипломатии. Реакционные государственные деятели западных держав попались в ловушку, расставляемую им вчерашними и завтрашними врагами. С ведома и одобрения западных держав, после подписания Версальского договора существовали многие военные и полупрофессиональные организации, которые занимались подготовкой и тренировкой солдат и офицеров для будущей большой германской армии.

Нынешние американские и некоторые другие политики снова не могут удержаться от соблазна руками германских милитаристов проводить политику силы. Можно подумать, что они все забыли и ничего не научились, не желая считаться с тем фактом, что подобная политика в свое время обращалась против них же самих.

Нынешние американские и некоторые другие политики снова не могут удержаться от соблазна руками германских милитаристов проводить политику силы. Можно подумать, что они все забыли и ничего не научились, не желая считаться с тем фактом, что подобная политика в свое время обращалась против них же самих.

Так как война стала постоянным состоянием (хотя не всегда и не везде слышится эхом оружия), стратегия стала законной судьбой. Каковы же, по мнению составителей календаря, последствия этого так называемого закона? Очень просто. Нужно создать «руководящую группировку», директорию, которая взяла бы в свои руки «стратегию промышленности, сырья, энергетики, финансовой политики, военной и экономической», иначе говоря, надо организовать диктатуру для тотальной подготовки к тотальной войне.

Какой знакомый язык! Именно так говорили гитлеровцы в дни, когда западные державы поощряли их к агрессивным действиям. Один из советских, которые календарь дает солдату, гласит: «Нет нужды спрашивать себя, куда иешь. Вперед, марш!».

Нануе второй мировой войны правящие круги западных держав не воспользовались реальной возможностью избежать военной катастрофы. Они отвергли предложения Советского Союза путем коллективных усилий преградить путь к развязыванию Германской новой войны.

«Мрачный год завершается в атмосфере некоторого ослабления международной напряженности... Проблема создания в Европе организации, обеспечивающей сохранение мира, остается нерешенной, и самую суть этой проблемы составляет существование неудовлетворенной и неустанно вооружающейся Германии... И все же необходимо, чтобы эта проблема была решена не с помощью силы: при современном уровне развития разрушительной военной техники вооруженный конфликт начал бы неоправданно катастрофу как для победителей, так и для побежденных...»

Главный редактор Б. РЮРИКОВ. Редакционная коллегия: Б. АПАОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИЯ, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.